

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 17 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабидулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Правовые доктрины и правовая практика: опыт истории

- Зенин С.С.** Эволюция доктрины суверенитета: государственный суверенитет и секуляризация божественного 3
- Дмитров И.С.** Особенности теоретико-правового подхода к исследованию демократического политического режима..... 9
- Япрынецев И.М.** Вече и общественный контроль: исторический аспект..... 13
- Ярков А.П.** К вопросу о государстве и праве в средневековой Сибири (памяти доктора юридических наук С.А. Капитонова) 18
- Маремкулов А.Н.** К вопросу исследования актов органов самодержавия в процессе реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв..... 22
- Сафонов В.Е., Миряшева Е.В.** Сравнительно-правовое исследование федерализма в историко-правовом и конституционном измерении 27

Стадии и институты правового процесса: из истории формирования

- Сулейманова И.Е.** Исторические предпосылки формирования российского уголовного законодательства об ответственности за детскую преступность в дореволюционный период..... 32
- Насыров Р.В.** О юридическом аспекте условий и предпосылок революции 1917 г..... 37
- Маюров П.Н.** Исправление осуждённых как цель уголовной политики в области исполнения наказаний в странах Западной Европы и США в конце XIX — начале XX в..... 42
- Пастухов Р.О.** Право убежища в Новое время 46
- Скуридин О.А.** Динамика постановки на государственный учет недвижимых памятников археологии города Севастополя с 1975 г. по 1991 г. в контексте совершенствования советского законодательства в области охраны памятников истории и культуры..... 49
- Демичев А.А.** Компенсационные выплаты присяжным заседателям в Российской империи 58
- Гарбатович Д.А.** Непреступное деяние в уголовном праве России X–XII вв..... 62

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 18.08.2017.

Номер вышел в свет 14.09.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 17 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;

Babich I.L., doctor of historical sciences;

Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,

candidate of pedagogical sciences, professor,

Honorary Worker of Justice;

Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;

Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;

Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;

Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;

Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,

doctor of historical sciences, professor;

Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;

Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;

Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,

doctor of historical sciences, professor;

Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;

Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,

doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,

assistant professor;

Zenin S.S., candidate of juridical sciences;

Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,

assistant professor;

Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,

assistant professor;

Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,

candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,

Belykh V.S.,

Renov E.N.,

Platonova O.F.,

Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legal Doctrines and Legal Practice: Historical Experience

Zenin S.S. Sovereignty Doctrine Evolution:

State Sovereignty of Secularization of Divine..... 3

Dmitrov I.S. Peculiarities of Theoretical Legal Approach

to Review of Democratic Political Regime 9

Yapryntsev I.M. Veche and Public Control:

Historical Aspect 13

Yarkov A.P. On State and Law in Medieval Siberia

(in Memory of S.A. Kapitonov, Doctor of Law) 18

Maremkulov A.N. On Research of Acts of Autocracy

Authorities in Development of Russian Policy

in the North Caucasus in XVIII – XIX Centuries 22

Safonov V.E., Miryasheva E.V. Comparative Law

Research of Federalism in Historical Legal

and Constitutional Dimension 27

Legal Process Stages and Institutes:

From Establishment History

Suleymanova I.E. Historical Prerequisites

to Establishment of Russian Criminal Legislation

on Liability for Juvenile Crime

in Pre-Revolutionary Period 32

Nasyrov R.V. On Judicial Aspect of Conditions

and Prerequisites of the 1917 Revolution 37

Mayurov P.N. Correction of Convicts as Aim of Criminal

Policy in Punishment Execution in Western European

Countries and the USA in Late XIX – Early XX Century 42

Pastukhov R.O. Right to Asylum in Modern Times 46

Skuridin O.A. Dynamics of State Registration of Immobile

Archaeological Sites of Sevastopol from 1975 to 1991

in Context of Improvement of Soviet Legislation

in Historical and Cultural Monument Protection 49

Demichev A.A. Compensation Payments to Jurymen

in the Russian Empire 58

Garbatovich D.A. Non-Criminal Act in Russian

Criminal Law in X – XII Centuries 62

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,

Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88

(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printed sheet 5,0.

Passed for printing 18.08.2017.

Issue was published 14.09.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database

of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without

prior written permission of authors or the Editorial

Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:

Publishing Group "Jurist".

Эволюция доктрины суверенитета: государственный суверенитет и секуляризация божественного

Зенин Сергей Сергеевич,

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Московского государственного юридического

университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института ФСИН России,

кандидат юридических наук, доцент

zeninsergei@mail.ru

В предлагаемой статье предпринимается попытка анализа политико-правового развития идеи суверенитета. Автор осуществляет поиск теологических корней доктрины государственного суверенитета. В статье выдвигается гипотеза о формировании концепции государственного суверенитета на основе религиозных представлений средневекового общества. В работе делается вывод о том, что развитие политической и религиозной сферы жизни общества осуществлялось на основе взаимного влияния, дополняя друг друга.

Ключевые слова: *суверенитет, государство, государственный суверенитет, власть, народ, божественность, политические отношения, легитимность, народовластие.*

Sovereignty Doctrine Evolution: State Sovereignty of Secularization of Divine

Zenin Sergey S.,

Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Senior Research Scientist of the Research Institute

of the Federal Penitentiary Service of Russia

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article attempts to analyze the political legal development of the idea of sovereignty. The author is searching for the theological roots of the state sovereignty doctrine. The article puts forward a hypothesis about establishment of the state sovereignty concept based on the religious beliefs of the medieval society. The publication concludes that the political and religious spheres of the society's life were developed under the mutual influence and supplemented one another.

Key words: *sovereignty, state, state sovereignty, power, people, divinity, political relations, legitimacy, rule of the people.*

Чудеса противоречат не природе, а известной нам природе.

Аврелий Августин

Понятие суверенитета является одним из основных категорий современного права, политологии, философии. Окончательно оно сформировалось как идея в условиях позднего Средневековья. Рождение суверенитета — это результат борьбы трех сил: церкви расширяющей свое влияние на светские от-

ношения, римских императоров, возвышающихся над монархическими государствами, и крупных ленных владельцев и корпораций¹. Подобные условия не могли не оказать непо-

¹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С-Пб. Издание Н.К. Мартынова. 1908. С. 321.

средственное влияние на формирование содержания рассматриваемой идеи. Соперники, стремясь теоретически обосновать свое политическое превосходство, вносили новые элементы в развивающуюся теоретическую концепцию. Первоначальное оформление данной идеи неразрывно связано с формированием ее теологического основания. В самом широком смысле причины этого можно обнаружить в особенностях самого средневекового общества, где религиозность имела определяющее значение как в жизни отдельного человека, так и для общества в целом. Христианская вера в этот период является необходимым условием, системообразующей связью, формирующей не только отношения внутри социума, но и сам социум как сложную иерархическую структуру. Кроме того, католическая церковь была интеллектуальным и культурным центром средневековой Европы. В этих условиях, постепенно формируясь, теологическое основание идеи суверенитета было призвано обосновать и закрепить верховенство власти католической церкви по отношению к светскому государству, ее божественное происхождение.

Со временем под влиянием возрастающего значения монархических государств развитие рассматриваемой идеи пошло по пути обоснования доктрины государственного суверенитета. Ее первоначальное формирование было связано с подтверждением суверенитета монарха как единственного носителя государственной власти. Достигалось это во многом путем установления логической связи между светской властью монарха и божественной властью. Если в раннем Средневековье это выражалось во взаимодействии Папы Римского как Наместника Сына Божьего (*Vicarius Filii Dei*) на земле и светского монарха, то с момента Авиньонского пленения в этой связи место папы занимал сам Бог, вследствие чего власть монархов провозглашалась божественной, а сами они наделялись присущими божественному исключительными свойствами. С учетом высокой стабильности характеристик средневекового общества повышенное значение метафизического, сформировавшись однажды, оставалось неизменным свойством каждого нового носителя суверенитета, становилось его неотъемлемым качеством, которое находило свое выражение в истории развития национальных правовых систем. В средневековый период становления идей государственного суверенитета это возможно достаточно полно увидеть в развитии идей божественной природы власти монарха, определенными примерами проявления которой выступают институты коронации и помазания, низложения монархов и последующее оформление их культа как

святых королей-мучеников², представления о чудотворных целительных способностях монарших особ.

Примером последнего может служить обряд исцеления «золотушных», зародившийся на рубеже XI–XII вв. и наиболее ярко оформившийся в Англии и Франции. Первое письменное упоминание о подобных случаях во Франции содержится в трактате «Приметы святых», созданном аббатом Гвирбертом. Описывая чудеса, творимые Людовиком VI, автор пишет, что «собственными глазами зрел я, как больные, страдающие «золотухой», с язвами на шее или других частях тела, толпами сбегались к нему и молили его, чтоб коснулся он их рукой, а притом и осенил крестным знаменем. Я стоял подле него, совсем близко, и даже защищал его от их докучливости. Король же меж тем выказывал прирожденное свое великодушие; привлекши больных к себе спокойно рукою, осенял он их крестным знаменем»³. Это «чудо» находит свое бинарное выражение в физическом и социальном плане. В первом случае речь идет о непосредственном исцелении, то есть выздоровлении, под воздействием метафизических сил как прекращение нормального процесса развития болезни. Во втором, на что указывал М. Блок, — возможно, о нарушении системы отношений в социально стратифицированном обществе.

В социально разделенном обществе, к которому можно отнести и средневековое, наряду с конвенциональными и правовыми гарантиями возникают и ритуальные гарантии сословного разделения, доходящие до запретов на физическое прикосновение к представителям высшего социального слоя⁴. Божественность монарха проявляется не столько в том, что он способен исцелить болезнь, сколько в том, что для этого он способен нарушить устои сословного средневекового общества, изменив объективные условия социальной жизни, то есть сотворить социальное чудо. Двойственность проявления этого чуда возникает как следствие переноса божественной природы на социальное основание. Сама по себе природа

² См.: Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси : сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М. : ИВИ РАН, 2003.

³ Цит. по Блок М. Короли-чудотворцы : очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 97.

⁴ См.: Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии. В 4 т. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 3. С. 304.

власти средневековых монархов, ее в первую очередь светский характер определяют подобные социальные коннотации божественного. Просуществовав во Франции вплоть до XIII века, «физическое чудо» перестало существовать с момента королевской казни, но «социальное» сохранилось и в условиях десакрализации политической власти. Сначала это отразилось в переносе неприкосновенности и святости королевской персоны, закрепленной в Конституции 1791 года, на новое суверенное тело — народ⁵, а позднее нашло свое выражение в политических институтах национальных правовых систем. В современной России это достаточно хорошо видно на примере прямой линии с Президентом Российской Федерации, в рамках которой глава государства и сегодня выступает в роли субъекта, изменяющего социальную действительность.

В период Средневековья особое место в череде примеров проявления божественной природы королевской власти занимают эффигии — так называемые «дышащие статуи». Зародившись первоначально в Англии, эта церемония в начале XV столетия появляется и во Франции. Суть этого феномена сводилась к ритуальному, целостному оформлению образного и телесного преодоления паузы, возникающей между официальной церемонией похорон усопшего монарха и коронацией его наследника. Этот ритуал обеспечивал для любого обывателя визуализацию бессмертности королевской власти⁶.

Таким образом, правовое основание доминирования государства в политической системе средневекового общества формируется не в демократических институтах, призванных формировать волю народа, а, как это образно выразил К. Шмитт, в Божьей милости⁷. Христианское общество было тем уравнивающим условием, в рамках которого господствовало представление о божественном происхождении власти. Достижение превосходства государства осуществлялось во многом в процессе борьбы с иными субъектами политических отношений, в том числе и народом.

В этот период нация рассматривается как часть, то есть некоторое число индиви-

дов, которые принадлежали тому или иному, как правило привилегированному, сословию. «А к какой нации человека причислять, — писал Самуэль фон Пуфендорф, — зависит от нации его отца и от расположения его владений, доставшихся ему по наследству от отца и его предков. Однако только место рождения, отличное от нации отца, еще не повод для того, чтобы относить человека к другой нации»⁸. Монарх, сражающийся с корпорацией привилегированных, исходя из мировоззрения современников, тем самым борется с народом.

Правовое оформление идеи государственного суверенитета неразрывно связано с наполнением института королевской власти новым политико-правовым содержанием. Светская власть, олицетворяемая средневековыми монархами, первоначально стремясь освободиться от влияния Римской католической церкви, постепенно наполняется иным смысловым содержанием, впитывает в себя характерные черты уходящих на второй план, императорской и папской власти. Происходит это постепенно, в условиях традиционного средневекового общества, в ходе формирования национально-государственного устройства Европы с учетом глубоких диссоциативных процессов в христианской церкви.

Как справедливо отмечал Н.Н. Алексеев, эпоха религиозных войн в Европе была в то же время эпохой формирования политической идеологии европейского национального государства Нового времени, пришедшего на смену феодальному государству Средних веков. В названную эпоху был сформулирован тот боевой политический лозунг, с которым новая политическая мысль выступала против анархической раздробленности средневековых государств. Мы говорим о понятии государственного суверенитета, в принципе известном древнему миру, но затемненном в политическом сознании феодального общества, где сувереном считал себя каждый феодал⁹, что находит свое отражение и в истории возникновения самого термина.

Понятие «суверенитет», возникшее в средневековой Франции, вплоть до XVI века использовалось для обозначения лиц, занимающих высшие государственные должности, руководителей отдельных государственных ведомств, высших должностных лиц по отношению к подчиненным и учреждений, являющихся высшими инстанциями по отношению

⁵ См.: Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М.: Изд-во Института Гайдара. 2014. С. 39–57.

⁶ См. под.: Федоров С.Е. Посмертное изображение монарха в раннестюартовской Англии: возроденный Соломон и королевская эффигия // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 177–189.

⁷ См.: Шитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 21–22.

⁸ Цит. по: Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во. Европ. унив. в СПб. 2016. С. 20.

⁹ См.: Алексеев Н.Н. Идея государства / отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. СПб.: Лань, 2001. С. 247.

к подчиненным. Кроме того, суверенами именовались феодалы, обладающие территориальным верховенством и осуществляющие публичную, как правило, наследуемую власть¹⁰. Это свидетельствует о формировании в государстве двух суверенитетов: полного, или общегосударственного, и ограниченного — территориального.

Формирование обобщающего определения, которое лежит в основе современной идеи суверенитета, во многом было завершено Ж. Боденом во Франции во второй половине XVI века. Формулировка его содержания представляет собой объединение описанного теологического основания и накопленной практики использования данной категории. Конечно, образование современного содержания этого понятия осуществлялось под влиянием субъективных характеристик исследователя и тех объективных условий, в которых он находился. Как справедливо отмечает В.А. Цымбурский, первые европейские провозвестники суверенитета могли быть пленены «политической теологией» возникавших у них на глазах абсолютистских национальных монархий. Они стали невольными свидетелями отказа от идеи общеевропейской империи и оформления политических держаний внутри нее как собственности суверенов¹¹. Все это находило свое непосредственное отражение в процессе развития самой идеи суверенитета.

Сформулированная Ж. Боденом концепция абсолютного суверенитета государства, где исследуемое явление выступает как обязательный атрибут государства, концентрируемый у суверена, в монархиях, в которых может быть король или деспот, в аристократиях — меньшинство, в демократиях — народ или большая его часть. Несмотря на то, что суверенитет в основном рассматривается в контексте государства и его власти, французский юрист не оставляет без внимания идею народного суверенитета. Раскрывая содержание источника суверенитета, он указывает на то, что факт передачи монарху принадлежащего народу суверенитета является основанием для его признания сувереном. То есть в концепции Ж. Бодена наряду с другими субъектами народ выступает носителем суверенитета.

¹⁰ См.: Палиенко Н.Н. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: тип. Губернского правления, 1903. С. 23–30.

¹¹ См.: Цымбурский В.А. Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте // Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте. Материалы научного семинара. Выпуск № 4(13). М.: Научный эксперт, 2008.

Впервые в 1566 году Ж. Боден в произведении «Метод легкого познания истории» формулирует пять основных функций верховной власти, которые в современной юридической науке рассматриваются как признаки суверенитета¹². Детальное рассмотрение этих характерных свойств было осуществлено в книге *Les six livres de la République*¹³, опубликованной в 1576 году. К таким были отнесены: власть давать закон всем в общем и каждому в отдельности; обладание высшей военной властью; право назначения должностных лиц — магистратов; право высшего суда и, наконец, власть давать помилование осужденным¹⁴. Первый признак суверенитета является наиболее общим, к которому восходят все последующие. Пятый, по мнению автора, «...это наиболее высокий признак суверенитета, присущий Величию»¹⁵.

Неоспоримым достоинством рассматриваемой теоретической концепции является то, что практически впервые формулируется содержание понятия «суверенитет», под которым понимается принадлежащая своему носителю абсолютная, неотчуждаемая, непрерывная, вечная и постоянная власть на одной территории. Носитель суверенитета обладает абсолютной властью, но такая власть имеет определенные границы: суверен подчиняется божественным законам, законам природы и универсальным человеческим законам. Основные на них общепризнанные социальные ценности — семья, частная собственность, гражданский долг, обязанности государства, косвенно ограничивают волю суверена. Нарушение этих общепризнанных ценностей и, как следствие, лежащих в их основе общих законов оказывает влияние на легитимность власти. Суверен как источник закона стоит над законом, однако сама по себе суверенная власть находится под воздействием права и, как отмечал В.М. Гессен, ограничена объективным правопорядком¹⁶.

Понимание суверенитета Ж. Боденом как высшей власти образует неразрывную связь

¹² См.: Гройсберг А.И. Развитие понятия «суверенитет» в истории французской политической мысли XVI–первой половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 8–9.

¹³ См.: Bodin J. *Les six livres de la République*. P. 1986. L. I, P. 306–324.

¹⁴ См.: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 151–152.

¹⁵ См.: Bodin J. *Les six livres de la République*. P. 1986. L. III, P. 119.

¹⁶ См.: Гессен В.М. Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века // Известия С.-Петербургского Политехнического Института Императора Петра Великого. 1913. Т. 20 С. 254–255.

этого явления с личностью суверена, что само по себе лежит в основе формирования концепции о том, что суверенитет есть комплекс правомочий государя, включающий в себя назначение на должности, законодательство, суд, создание привилегий, дела войны и мира.

Формирование у Ж. Бодена характеристики власти как абсолютной базируется на теократических позициях римского права и его последующем отражении в каноническом праве. Сформировавшаяся постепенно идея абсолютной власти папы, в итоге, была оформлена в каноническом праве как *plenitudo potestatis*¹⁷. Этот термин был призван характеризовать юрисдикционную силу папства, определял его власть внутри церкви и прерогативы в светской сфере¹⁸. Неоспоримость папской юрисдикции в церкви выражалась в его характеристике как высшего судьи и, как следствие, невозможности отмены его решений. «И как Папа, — писал Ж. Боден, — не может быть связан, так и Государь не может связать себе рук, когда он желает»¹⁹. Подобный перенос теологической концепции на политические отношения преследовал цель возвысить светскую власть суверена путем придания ей божественного основания.

Дальнейшее развитие идеи государственного суверенитета Г. Гроцием фактически было направлено на отстаивание независимости правителей от народа и необходимости предоставления им максимально широких государственных полномочий. Формирование этих позиций во многом осуществлялось под влиянием результатов Нидерландской революции. Установление олигархической республики с практически абсолютной властью купечества и части дворянства не могло способствовать участию широких масс в управлении общественными и государственными делами.

Не определяя суверенитет как самостоятельное понятие, Г. Гроций развивал содержание ряда существенных категорий, имеющих определяющее отношение в процессе его исследования. Двигающей силой любого государства выступает верховная власть, «...действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее

усмотрению»²⁰. Под «чужой» понимаются все потенциальные носители власти, за исключением самого субъекта верховной власти. Обладание ею, по мнению автора, возможно в «общем» или «собственном» смыслах, что с позиции современной государственно-правовой науки может быть представлено такими категориями, как «источник власти» и «субъект властвования» соответственно. Обладание в общем смысле представляет собой определенное правовое состояние субъекта, характеризующееся наличием ряда признаков, определяющих его исключительное учредительно-правовое положение как источника верховной власти. В собственном же смысле обладание подразумевает возможность распоряжения этой властью управомоченным субъектом. Государство у Г. Гроция выступает единственным носителем верховной власти, в то время как осуществлять ее может одно или несколько лиц с учетом законов и нравов того или иного народа²¹. Народ как носитель этой власти способен передать ее другим лицам, «...перенеся, таким образом, на них целиком власть управления собой и не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти»²². В этой связи необходимо отметить, что суверенитет народа рассматривается как категория производная от верховной власти и, как следствие, отчуждаемая. Однако сам факт отчуждения верховной власти является проявлением свободной воли народа, именно он «...может избрать любой образ правления; ибо тот или иной правопорядок следует оценивать не с точки зрения преимуществ его формы ... но с точки зрения осуществления в нем воли людей»²³.

Отдельное значение в развитии рассматриваемой идеи имеет авторское решение вопроса о способах обладания верховной властью. По аналогии фактически осуществляется перенос частноправовых категорий в сферу публичных государственно-правовых отношений — так, различается обладание властью на правах полной собственности и на правах usufructa²⁴. По мнению Г. Гроция, в первом случае правитель абсолютно не связан волей народа и, как следствие, вправе самостоятельно распоряжаться государством, вплоть до отчуждения права на его управление. Обладание властью на праве usufructa приобретает в результате народного избрания правителя

¹⁷ См.: Баязитова Г.И., Митюрёва Д.С. В преддверии рождения государства : язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень : Тюменский гос. унив. 2012. С. 100–102.

¹⁸ См.: Rizzi M. *Plenitudo potestatis. Dalla teologia politica alla teoria dello stato assoluto, dans Images, cultes, liturgies. Les connotations politiques du message religieux.* Rome, Paris, École Française de Rome, Publications de la Sorbonne. 2014. P. 49–60.

¹⁹ Bodin J. *Les six livres de la République.* P. 1986. P. 192.

²⁰ Гроций Г. О праве войны и мира; репринт с изд. 1956 г. М. : Ладомир, 1994. С. 127.

²¹ Там же. С. 127–128.

²² Там же. С. 128.

²³ Там же. С. 128.

²⁴ Там же. С. 135–138.

и его законного преемника. Главы государств в определенной степени ограничены волей народа, и воля народа не может отчуждать без его согласия принадлежащие ему полномочия по управлению государством.

Определяя волеизъявление народа основным источником возникновения многих из известных монархий, Г. Гроций фактически обосновывает ограниченность власти монарха и определяет ее связь с властью, принадлежащей народу. Однажды переданная власть способна вернуться к его первоначальному носителю. Так, смерть монарха и прекращение династии в условиях престолонаследия могут являться неперемными условиями возврата ее народу.

Таким образом, теоретическое оформление концепции государственного суверенитета на рубеже позднего Средневековья и Нового времени неразрывно связано с заимствованием и

адаптацией теоретических конструкций теологии и положений канонического права, что находило свое отражение в развитии сущности королевской власти и ее божественной природы. Начиная свой путь от помазания и коронации, где монарху сообщались выходящие за пределы повседневности силы²⁵, королевская власть постепенно перешагнула границы полустороннего мира, а отдельные ее представители признавались святыми. В этом взаимном обмене религиозного и политического, перефразируя Ф. Манова, обнаруживается как теологизация политического, так и политизация теологического пространства.

²⁵ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 3. С. 83–84.

Литература

1. Bodin J. Les six livres de la République. P. 1986.
2. Алексеев Н.Н. Идея государства / отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. СПб.: Лань, 2001. 359 с.
3. Баязитова Г.И. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена / Г.И. Баязитова, Д.С. Митюрёва. Тюмень: Тюменский гос. унив. 2012. 240 с.
4. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. М.: Наука, 2000. 412 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. / М. Вебер. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 3. 448 с.
7. Гессен В.М. Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века / В.М. Гессен // Известия С.-Петербургского Политехнического Института Императора Петра Великого. 1913. Т. 20. 330 с.
8. Гройсберг А.И. Развитие понятия «суверенитет» в истории французской политической мысли XVI — первой половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Гройсберг. СПб., 2012. 26 с.
9. Гроций Г. О праве войны и мира; репринт с изд. 1956 г. / Г. Гроций. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. С-Пб., Издание Н.К. Мартынова. 1908. 626 с.
11. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / Манов Ф. М.: изд-во Института Гайдара. 2014. 176 с.
12. Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа / А.И. Миллер. СПб.: Изд-во Европ. унив. в СПб. 2016. 146 с.
13. Палиенко Н.Н. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение / Н.Н. Палиенко. Ярославль: тип. Губернского правления, 1903. 591 с.
14. Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов / М.Ю. Парамонова. М.: ИВИ РАН, 2003. 405 с.
15. Цымбурский В.А. Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте / В.А. Цымбурский // Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте: материалы научного семинара. Выпуск № 4(13). М.: Научный эксперт, 2008. 136 с.
16. Шитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К.Шитт. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

Особенности теоретико-правового подхода к исследованию демократического политического режима

*Дмитров Иван Сергеевич,
сотрудник Правового департамента
Московского Кредитного Банка
Ivan_dmitrov@mail.ru*

В статье обосновывается теоретико-правовой подход к исследованию демократического политического режима, высказывается мнение о соотношении предмета общей теории государства и права и политологии, затрагиваются некоторые актуальные проблемы, связанные с формированием научно-обоснованной теоретической конструкции демократического политического режима как элемента учения о форме государства.

Ключевые слова: демократия, политический режим, форма государства, общая теория государства и права, концепт народовластия.

Peculiarities of Theoretical Legal Approach to Review of Democratic Political Regime

*Dmitrov Ivan S.,
Employee of the Legal Department of Credit Bank of Moscow*

The article proved theoretical approaches to the study of democratic political regime, expressed the view that the ratio of the subject theory of state and law and political science, analyzed some of the current problems, associated with the formation of scientifically grounded theoretical constructs of a democratic regime as part of the doctrine of the form of the state.

Key words: democracy, political regime, form of government, theory of state and law, concept of democracy.

Понятия «демократия», «демократический политический режим», «демократический строй», «демократические методы управления» весьма широко используются в разных областях социально-гуманитарного знания, в публицистике и в политической сфере. Зародившись в политико-правовой мысли Древней Греции, идея демократии стала приобретать все большую значимость в эпоху Нового времени, а в XX в. она стала одной из наиболее активно популярных идей в политике, на которую опиралась как либеральная, так и социалистическая идеология. Противостоянием последних сопровождалась сначала Первая и Вторая мировые войны, а затем и «холодная» война. В связи с этим нельзя не признать, что развитие науки в области исследования демократии носило во многом тенденциозный характер. Это повлекло за собой очевидную политизированность данного вопроса, субъективизм оценок «уровня» и «степени» демократичности политического режима конкретных государств. Однако предмет политического спора не должен подменять со-

бой предмета научного познания, что требует конкретизации тех аспектов демократии, исследование которых составляет задачу современной науки.

С точки зрения рассмотрения демократии в качестве объекта изучения юридической науки прежде всего следует разграничить ее предмет и предмет политологии. При этом в решении принципиальных вопросов, связанных с установлением наиболее общих, универсальных закономерностей, касающихся демократии вне зависимости от ее конкретно-исторических форм, речь должна идти о разграничении предмета политологии с предметом общей теории государства и права как фундаментальной юридической науки, изучающей наиболее общие закономерности возникновения, развития и функционирования явлений государственной и правовой жизни общества.

Установив подобное разграничение, в первую очередь следует определить ту область в системе знаний о государстве и праве, в рамках которой демократия становится предметом

изучения общей теории государства и права. Согласно представлениям современной юридической науки, нашедшим свое отражение в научных исследованиях¹ и учебной литературе², эту область составляет теория государства, а именно входящее в нее учение о форме государства. В рамках последнего демократия рассматривается в качестве разновидности политического режима, поэтому при введении демократии в предмет изучения юридической науки следует вести речь не просто о «демократии», а о «демократическом политическом режиме».

Однако структурная обособленность представлений о демократическом политическом режиме в системе знаний, составляющих содержание общей теории государства и права, сама по себе еще не может считаться достаточным основанием для разграничения предмета этой науки и предмета политологии в исследовании демократии. Изучение общей теории государства и права демократии в качестве политического режима в учении о форме государства должно рассматриваться скорее как следствие определенных содержательных отличий в подходах политологии и общей теории государства и права к изучению демократии. Подобные содержательные отличия должны вытекать из специфики тех закономерностей, которые составляют предмет изучения теории государства как раздела общей теории государства и права и предмет политологии.

В области наиболее важных закономерностей, составляющих предмет теории государства как раздела общей теории государства и права, системообразующей, на наш взгляд, является связь государства с правом, которая определяет содержание характеристик, формирующих в своей совокупности теоретическую конструкцию демократического политического режима как элемента учения о форме государства. Говоря в связи с этим об отличиях

теоретико-правового подхода к исследованию демократического политического режима от предмета политологии, мы считаем справедливым признание того, что «правовая сторона в характеристике государства в теории государства и права должна быть превалирующей»³, в то время как для политологии системообразующей, на наш взгляд, должна быть признана связь между борьбой политических сил за власть и установлением демократии.

Определив, в чем, по нашему мнению, должно состоять принципиальное отличие теоретико-правового подхода к исследованию демократического политического режима от подхода политологии, считаем необходимым остановиться на некоторых моментах, характеризующих современное состояние и актуальные проблемы применения теоретико-правового подхода к исследованию демократического политического режима.

Несмотря на то, что характеристика демократического политического режима уже сравнительно давно и прочно вошла в содержание учения о форме государства, в ней остается много дискуссионных и не выясненных до конца вопросов. Во-первых, это связано с привнесением в теоретическую конструкцию демократического политического режима различных «идеологических штампов». Во-вторых, речь идет о смешении характеристик демократического политического режима с характеристиками республиканской формы правления, хотя с точки зрения учения о форме государства форма правления и политический режим являются разными элементами формы государства.

С одной стороны, нельзя не признать того, что все элементы формы государства тесно связаны друг с другом. В особенности обращает на себя внимание тесная связь политического режима с формой правления, в связи с чем, как справедливо указывает В. Иванов, «четко отделять режим от правления бывает затруднительно»⁴.

Данное затруднение и связанное с ним смешение характеристик демократического политического режима и республиканской формы правления имеет определенные корни в истории политической и правовой мысли. Оно нашло свое отражение в самой этимологии термина «демократия», происхо-

¹ См., напр.: Гавриков В.П. Теория государства и права: смена парадигмы: монография. Москва: Проспект, 2017. С. 91–116; Кудрявцев Ю.А. Демократия как разновидность политического режима (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002; Пономаренко В.Е. Проблемы понимания и социально-психологического обоснования демократического государственного режима (в свете психологии масс и психологии народов): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

² См., напр.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 9 изд., стер. М.: Издательство «Омега-Л», 2013. С. 121–167; Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015; Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.В. Оксмытский. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

³ Актуальные проблемы правовой теории государства: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Малахова, А.И. Клименко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 3.

⁴ Иванов В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. С. 162.

дающего, как известно, от греч. *demos* — народ и *kratos* — власть. Таким образом, этимологически понятие демократии изначально выражало концепт народовластия, а в соответствии с представлениями современной науки наиболее полное представительство народа во власти обеспечивает именно республиканская форма правления. Не случайно в связи с этим и то, что Аристотель относил демократию именно к форме правления⁵. Вместе с тем нельзя не признать, что в древнегреческой политико-правовой мысли еще не было сформировано представление о республике как о форме правления, поскольку и сам концепт республики (этимология которого имеет уже латинские корни: *res* — дело и *publicus* — общественный) использовался скорее для обозначения государства как такового (каким его себе представляли древние греки и римляне), чем какого-то определенного вида формы правления в его отличии от других форм.

Развитие учения о форме государства, которое привело современную теорию государства и права к формированию триады форм государства, включающей в качестве своих составляющих форму правления, форму государственного устройства и политический режим, свидетельствует о том, что наиболее устойчивой характеристикой, связываемой с формой правления, оказалась организация высших органов государственной власти. При этом, учитывая, что в этой триаде элементов формы государства понятие политического режима оформилось сравнительно позже понятий о форме правления и форме государственного устройства, и понятие демократии стало использоваться именно в характеристике политических режимов, в то время как «республика» стала использоваться почти исключительно в качестве формы правления, есть основания полагать, что концепт народовластия, присутствующий как в характеристике демократического политического режима, так и в характеристике республиканской формы правления, имеет в них разные интерпретации. При этом данные интерпретации оформились почти одновременно с появлением необходимости в выделении политического режима в качестве самостоятельного элемента формы государства.

Выражая по справедливому замечанию В.Е. Чиркина⁶ функциональный аспект политической системы, политический режим как

элемент формы государства был призван указать в первую очередь на методы и способы осуществления государственной власти, то есть в отличие от формы правления был призван охарактеризовать деятельность всего государственного механизма управления и принуждения, а не только системы высших органов государственной власти.

При таком подходе различие «прямой» и «представительной» демократии является лишь одной из возможных классификаций демократического политического режима, где за основу берется, главным образом, способ формирования органов государственной власти, включая высшие органы власти, что отражает определенную связь формы правления с политическим режимом, которая, однако, не исчерпывает собой всей характеристики последнего. Кроме того, такая классификация, вероятно, не без основания может быть оспорена, поскольку нельзя сказать, что сами по себе институты «прямой» или «представительной» демократии гарантируют демократичность или «большую степень демократичности» политического режима. Достаточно в этой связи вспомнить приход в 1933 году к власти в Германии национал-социалистов во главе с Адольфом Гитлером или 30-е годы советского периода в истории России.

В связи с этим возникает необходимость установить определенные отличия в содержании концепта народовластия с характеристикой демократического политического режима. Решение этой задачи имеет в современных условиях весьма важное значение, поскольку связывая демократический политический режим почти исключительно с народовластием, в конечном счете, признается обусловленность демократии какой-то определенной формой правления, что влечет за собой обоснование «правильности» какой-либо определенной формы правления и «неправильности» других. Кроме того, при таком подходе по способу формирования органов государственной власти делается вывод о политическом режиме, но разве всегда политические обещания партий, данные в ходе предвыборной кампании, исполняются? Это означает, что сам способ формирования государственной власти не может «автоматически» гарантировать демократический политический режим.

Другой дискуссионный момент в характеристике демократического политического режима связан с одним из довольно прочно закрепившихся за ним «штампов» политического и идеологического плюрализма, предполагающего не только соответствующий потенциал политического и идеологического многообразия, декларируемый государством, но

⁵ См.: Политика. Афинская полития / Аристотель; предисл. Е.И. Темнова. М.: Мысль, 1997.

⁶ См.: Чиркин В.Е. Теоретические проблемы политического режима в странах социалистической ориентации // Государство и право в развивающихся странах: сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 6–7.

и соответствующее ему реальное состояние политической системы государства. Однако если рассматривать политический и идеологический плюрализм с этих позиций, следует признать, что политическая система Соединенных Штатов Америки в этом отношении скорее напоминает олигополию, что, тем не менее, не мешает признанию их демократическим государством.

Не меньше спорных моментов возникает в анализе связи теоретической конструкции демократического политического режима с концептом «прав человека» как выражением ценностей либеральной идеологии. Должен ли из признания их неразрывной связи следовать вывод о том, что возможна только модель демократии — либеральная⁷? Означает ли это, что традиционные общества, в которых идеи прав человека не получили широкого признания, должны априори считаться недемократическими? Связан ли демократический политический режим с какой-то определенной идеологией и исключает ли он культурное многообразие в своей характеристике? Эти

и многие другие вопросы в настоящее время становятся чаще всего предметом субъективных оценок и мнений, что, однако, не может удовлетворять требованию объективности в теоретико-правовом подходе к исследованию демократического политического режима.

Таким образом, одной из актуальных задач современной теории государства и права является своеобразная реконструкция теоретической модели демократического политического режима, которая должна быть произведена на основе оформившегося, но, как показывает затронутый нами анализ конкретных характеристик демократического режима, не в полной мере доведенного до конца различения представлений о политическом режиме с другими элементами формы государства (прежде всего с формой правления).

Произвести подобную реконструкцию, на наш взгляд, возможно через выяснение действительного отношения связываемых с идеей демократии концептов «народовластия», «политического плюрализма», «идеологического плюрализма», «народного суверенитета», «прав человека», «федерализма» и некоторых других к теоретической конструкции демократического политического режима и проследить историю ее формирования как элемента учения о форме государства.

⁷ К примеру, В.С. Нерсесянц выделял именно «либерально-демократический» режим. (См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, ИНФРА-М, 2000. С. 254–256).

Литература

1. Актуальные проблемы правовой теории государства : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Малахова, А.И. Клименко. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 183 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. 9 изд., стер. М. : Издательство «Омега-Л», 2013. 607 с.
3. Гавриков В.П. Теория государства и права: смена парадигмы : монография / В.П. Гавриков. Москва : Проспект, 2017. 464 с.
4. Иванов В. Теория государства / Иванов В. М. : Территория будущего, 2010. 269 с.
5. Кудрявцев Ю.А. Демократия как разновидность политического режима (теоретико-правового аспекта) / Ю.А. Кудрявцев : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. 198 с.
6. Медушевская Н.Ф. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 11–14.
7. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 464 с.
8. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. М. : Норма, ИНФРА-М, 2000. 552 с.
9. Общая теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.В. Оксамытный. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 511 с.
10. Политика. Афинская полиция / Аристотель; предисл. Е.И. Темнова. М. : Мысль, 1997. С. 271–343.
11. Пономаренко В.Е. Проблемы понимания и социально-психологического обоснования демократического государственного режима (в свете психологии масс и психологии народов) / В.Е. Пономаренко : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 165 с.
12. Сигалов К.Е. Международно-правовой аспект среды права и право человека / К.Е. Сигалов // Юридический мир. 2008. № 1. С. 67–71.
13. Сигалов К.Е. Религиозное бытие права / К.Е. Сигалов // Юридический мир. 2008. № 7. С. 71–75.
14. Чиркин В.Е. Теоретические проблемы политического режима в странах социалистической ориентации / В.Е. Чиркин // Государство и право в развивающихся странах : сборник статей. М. : Наука, 1976. 215 с.

Вече и общественный контроль: исторический аспект

Япрынтцев Иван Михайлович,

аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ityapryntsev@gmail.com

В настоящей статье представлен анализ одной из возможных исторических форм развития общественного контроля в России. С учетом системы признаков, которые раскрывают конституционно-правовую сущность общественного контроля, показаны особенности организации и работы вече, которые позволяют его рассматривать в качестве исторической предпосылки эволюции института общественного контроля.

Ключевые слова: демократическое государство, участие граждан в управлении делами государства, взаимодействие общества и государства, общественный контроль, историческое развитие, вече.

Veche and Public Control: Historical Aspect

Yapryntsev Ivan M.,

Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article deals with the historical development of social control in Russia. Here it is argued that the specific features of veche (popular assembly) as a special form of state and society interaction are quite similar to the essence of social control. The study was conducted to determine the possibility to consider it as historical prerequisite of social control's evolution.

Key words: democratic state, citizens' participation in the state affairs, state and society interaction, social control, historical development, veche (popular assembly).

Общественный контроль как форма непосредственного участия граждан в управлении делами государства представляет собой необходимый элемент демократического правового государства, реализация которого направлена на взаимодействие органов публичной власти и общества в целях обеспечения законности и эффективности деятельности этих органов¹.

Правовая институционализация общественного контроля в Российской Федерации обусловлена разработкой и принятием Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который закрепил определенные организационно-правовые гарантии его осуществления.

Тем не менее, для формирования комплексного представления об общественном контроле важными представляются анализ и исследование историко-правовых предпосылок эволюции данного института в истории нашего государства. Это позволит выработать модель реализации общественного контроля с учетом возможных исторических особенностей и традиций, которые уже сформировались в российском обществе².

История России характеризуется наличием достаточно большого количества различных

¹ См. подр.: Васильев С.А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 20–23.

² См. подр.: Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Русская беседа. 1856. № 1. Отд. науки. С. 35–47; Он же. Замечания на заметки «Русского Вестника» по вопросу о народности в науке // Православие и народность. М. 2008. С. 464–476; Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 32.

институтов, которые могут рассматриваться как внешнее выражение народовластия³. В то же время для выяснения особенностей исторического становления и развития общественного контроля необходимо исходить из тех существенных признаков, которые характерны для него как самостоятельной формы взаимодействия общества и государства. К таким признакам предлагается относить следующие:

1) инициативность реализации, то есть наличие готовности и заинтересованности субъектов общественного контроля реализовать контрольные полномочия;

2) негосударственный характер, проявляющийся в минимальной вовлеченности государства в процесс контроля;

3) особый субъектный состав, включающий в себя как представителей общественности, так и представителей публичной власти⁴;

4) особенности процедуры, которые отражаются в заключительной стадии реализации общественного контроля — формировании итогового документа без принятия окончательного решения;

5) обязательность результата общественного контроля для публичной власти, которая выражается в необходимости принятия решения по итогам общественного контроля.

Использование указанной системы признаков позволит проследить развитие различных форм выражения власти народа, которые могут рассматриваться как историческая форма эволюции общественного контроля.

Одной из первых форм подобного взаимодействия общества и государства, широко реализуемой на территории Древней Руси, является вече, которое существовало не только в Новгороде и Пскове⁵, но и в Киеве, и других городах, что отмечается в летописи⁶. Дан-

ное свидетельство, по мнению И.Д. Беляева, указывает на то, что на территории, занятой славянами, неотъемлемым элементом системы управления являлось вече — народное собрание старшего города, в котором заключалась верховная власть независимо от того, как управлялась земля: князем или выборными лицами⁷.

Отмечая тот факт, что вече является одной из форм верховной власти, М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что суть вече как органа публичной власти заключается в собрании полноправных граждан старшего города земли, что является примером узкого, историко-юридического понимания данного явления⁸. Следует согласиться с тем, что вече по своей сути в самом общем виде является собранием людей, проживающих на территории той или иной земли, причем важным является тот факт, что участие в работе вече могли принять практически все.

В то же время выделяют три этапа в развитии данной формы взаимодействия общества и государства⁹:

— первый этап связан с первоначальным становлением народных собраний, которые берут свое начало в племенных сходках, и по этой причине еще не могут называться вече в том историко-юридическом смысле, который был рассмотрен выше. Тем не менее, именно собрания внутри племени выступают исторической предпосылкой для дальнейшего становления вече;

— второй этап обусловлен переходной стадией этого собрания от племенного уровня к городскому. На данном этапе, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, можно говорить о специфической форме слияния двух будущих учреждений: боярской думы и вече, так как в собрании уже участвуют не все взрослые жители земли, а «лучшие люди»;

— третий этап представляет собой эпоху выделения вече как самостоятельной формы верховной власти и исторически совпадает с обособлением власти старших городов над пригородами.

Именно на данном этапе исторического развития вече как особой формы организации публичной власти у него формируются признаки, позволяющие рассматривать его в качестве некой формы контроля над деятельностью государства. Подтверждается это и те-

³ См.: Алексеев В.П. Народовластие в Древней Руси : избранные работы. М. : ЛЕНАНД, 2015; Зенин С.С. Публичные слушания и вече (исторический аспект) // История государства и права. 2008. № 15. С. 16–18; Он же. История развития форм участия населения в управлении общественными и государственными делами в России X — начала XX в. // История государства и права. 2012. № 5. С. 15–18.

⁴ Гриб В.В. Актуальные проблемы нормативного закрепления системы субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 13–16.

⁵ См. подр.: Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. Издание Императорского общества истории и древностей Российских. М., 1905. 135 с.; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб. Обществ. Польза, 1863. С. 35–41.

⁶ См. напр.: Полное собрание Русских летописей. Том I. Лаврентьевская и Троицкая летопись. СПб., 1846. С. 160.

⁷ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 9–10.

⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М. Территория будущего, 2005. С. 72–74. См. также сноску на С. 72–73.

⁹ См. подр.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 72–75.

ми вопросами, которые входили в компетенцию вече:

1. Внешняя политика. В этой сфере вече наделялось наиболее существенными полномочиями, что определялось необходимостью заручиться поддержкой общества в решении данных вопросов.

2. Внутреннее государственное устройство. Одним из наиболее важных полномочий вече являлось призвание и утверждение в должности князей, а также их смещение¹⁰. Кроме того, представляется возможным говорить о том, что в сфере внутреннего государственного устройства вече участвовало и в назначении и смещении чиновников в случае недовольства их деятельностью.

3. Судебная сфера. Деятельность в этой сфере также относится к компетенции вече, которое выступало участником любых судебных разбирательств. Так, в Новгороде вече рассматривалось как высшая власть, контролирующая действия специальных судебных органов¹¹.

4. Законодательная сфера. В вопросе принятия общих решений вече также принадлежал ряд полномочий, но в большей мере данные полномочия предоставлялись вече в городах Новгороде и Пскове¹².

Следовательно, анализ полномочий, входящих в компетенцию вече, позволяет говорить о том, что данная форма организации публичной власти включала в себя реализацию определенных контрольных полномочий, которые осуществлялись в том числе и в отношении других представителей публичной власти, в том числе князей.

В целях формирования представления о сущности вече как одной из исторических форм эволюции общественного контроля в России необходимо проанализировать вопрос о наличии либо отсутствии у данной формы организации публичной власти тех признаков, которые раскрывают конституционно-правовую сущность общественного контроля.

Инициативность. В отношении вече признак инициативности следует рассматривать в двух аспектах:

— возможности выступить с инициативой проведения вече,

— готовности и желания непосредственно принимать участие в работе вече.

Обычный порядок инициирования вече подразумевает его созыв князем, что подтверждается историческими источниками: в 1146 г. киевское вече созывает князь Игорь, в 1147 г. — Изяслав; а в другой раз по его распоряжению — брат его князь Владимир, митрополит Климент и тысяцкий Лазарь. В то же время подобный порядок не препятствует созыву вече по инициативе обычных граждан, что могло быть обусловлено их недовольством деятельностью князя¹³. Соответственно, представляется возможным говорить, что при определенных обстоятельствах, а именно в случае несогласия с деятельностью представителей публичной власти работа вече могла быть инициирована обычными гражданами¹⁴.

Следующий аспект инициативности в организации вече проявляется в готовности принимать участие в его работе. Для классов, составлявших новгородское общество, характерен различный уровень вовлеченности в осуществлении публичных дел¹⁵. Связано это было во многом с тем, что такие классы, как купцы и черные люди, были больше заняты своими частными делами, что ограничивало их возможность участвовать в общественной службе. Тем не менее, следует отметить, что равное положение всех классов в работе вече выступало гарантией повсеместного участия в этом процессе всего населения.

Негосударственный характер. Негосударственный характер вече проявляется, во-первых, в том, что оно могло быть организовано по инициативе граждан, о чем говорилось выше. Как отмечает Н.И. Костомаров, созыв вече указывал на наличие необходимости вынести конкретный вопрос на обсуждение народа. То есть любой, считавший себя вправе говорить перед народом, мог инициировать работу вече¹⁶.

Кроме того, негосударственный характер вече проявляется в широком участии граждан в процессе его работы, о чем подробнее будет сказано при исследовании субъектов данной формы взаимодействия общества и государства.

В то же время даже сам факт того, что вече могло созываться непосредственно князем, не следует рассматривать как некую форму подчиненности вече. Вече выступало само-

¹⁰ См., напр.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 82, 89.

¹¹ См.: ст. 29 Новгородской судной грамоты // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 303–304.

¹² Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Юрьковичей. М., 1867. С. 66–86.

¹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ См.: Беляев И.Д. Указ. соч. С. 15; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 30–34.

¹⁶ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 36–37.

стоятельным элементом организации публичной власти, для решений которого характерна большая юридическая сила, чем для решений князя¹⁷.

Особый субъектный состав. Как было отмечено выше, к участию в работе вече допускались полноправные граждане старшего города земли. Несущественным было и происхождение человека. В решении общественных дел «меньшие люди в Новгороде... имели одинаковые права с большими людьми»¹⁸. Думается, что следует говорить о том, что подобное равенство характерно не только для жителей Новгорода.

В работе вече также и не запрещалось участвовать жителям пригорода, причем реализовывали они это право на равных основаниях с жителями старшего города. Однако участие пригорожан выступает случайным и не является необходимым для того, чтобы решение, принятое на вече старшего города, было для них обязательным¹⁹.

Основным субъектом общественных отношений, которые складывались в процессе организации вече, выступали полноправные граждане — люди свободные, совершеннолетние и не подчиненные семейной власти²⁰.

Тем не менее, в вече участвовали представители духовенства и сам князь, что позволяет сделать вывод о непосредственном взаимодействии вече как особой формы организации публичной власти с представителями остальных форм публичной власти на Руси: церковью и князем.

В то же время в целях уяснения сущности вече как возможной исторической формы эволюции общественного контроля важным является именно тот факт, что в его работе могло принимать участие подавляющее большинство жителей старшего города. Это позволяет говорить об особом субъекте данной формы организации публичной власти, который может быть охарактеризован как общество и, следовательно, совпадает с субъектом общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления общественного контроля²¹.

Процедурные особенности. В отличие от действующей модели реализации общественного контроля, которая подразумевает только формирование итогового документа, а принятие решения по его результатам остается в компетенции органов публичной власти, вече

как форма организации публичной власти непосредственно принимало решение по обсуждаемым вопросам²².

Обусловлено это было тем, что вече не было отделено от остальной системы публичной власти, а являлось ее элементом²³, что отличает его от общественного контроля как формы непосредственного участия граждан в управлении делами государства. Общественный контроль не входит в действующую систему организации публичной власти, а выступает самостоятельной формой общественной инициативы и гарантирует вовлеченность граждан в процесс осуществления публичной власти в Российской Федерации.

Обязательность результатов. Исходя из того, что вече самостоятельно принимало решения по вопросам своего ведения, их обязательность не вызывает сомнений. При этом последствия от принятых на вече решений распространялись не только на старший город, но и на пригороды, о чем уже говорилось. Одним из показателей юридической и фактической силы решений вече могут служить факты отказа вече признать над собой присланных князей, что рассматривалось в качестве основания для прекращения их полномочий²⁴.

Соответственно, проведенное исследование показало, что вече как особой форме организации публичной власти присущ ряд признаков, которые позволяют рассматривать его в качестве исторической формы развития общественного контроля:

- 1) инициативность, которая проявляется в возможности организации работы вече при определенных обстоятельствах непосредственно гражданами;
- 2) негосударственный характер, обусловленный широким вовлечением в работу вече населения. Тем не менее, вече предусматривало участие и представителей публичной власти: князя и духовенства;
- 3) особый субъектный состав, включающий в себя как представителей общественности, так и представителей публичной власти.

В то же время вече являлось одной из форм организации публичной власти наряду с князем, что накладывало определенные особенности на процесс его деятельности, отличающие от современной модели организации общественного контроля.

В частности, это относится к процедуре вече и обязательности решений, принимаемых на вече. Это не позволяет относить рас-

¹⁷ См. подр.: Беляев И.Д. Указ. соч. С. 55–58.

¹⁸ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 33.

¹⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 75–76.

²⁰ Там же. С. 77.

²¹ См.: Гриб В.В. Указ. соч. С. 13–16.

²² См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 37; Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 80–81.

²³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 72–83.

²⁴ См.: Беляев И.Д. Указ. соч. С. 46–49.

сма­три­вае­мый ин­сти­тут к са­мо­сто­я­тель­ной фор­ме кон­тро­ля об­щес­тва над го­су­дар­ством. Но на­ли­чие у ве­че и об­щес­вен­но­го кон­тро­ля об­щих су­щ­но­ст­ных при­зна­ков, как пред­став­

ля­ет­ся, яв­ля­ет­ся до­ста­точ­ным ос­но­ва­ни­ем для то­го, что­бы от­не­сти де­я­тель­ность ве­че к осо­бой ис­то­ри­ко-пра­во­вой фор­ме эво­лю­ции дан­но­го ин­сти­ту­та в рос­сий­ском го­су­дар­стве.

Литература

1. Алексеев В.П. Народовластие в Древней Руси : избранные работы / В.П. Алексеев. М. : ЛЕНАНД, 2015. 144 с.
2. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. Издание Императорского общества истории и древностей Российских / И.Д. Беляев. М., 1905. 144 с.
3. Васильев С.А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений / С.А. Васильев // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 20–23.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. М., Территория будущего, 2005. 640 с.
5. Гриб В.В. Актуальные проблемы нормативного закрепления системы субъектов общественного контроля в Российской Федерации / В.В. Гриб // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 13–16.
6. Зенин С.С. История развития форм участия населения в управлении общественными и государственными делами в России X — начала XX в. / С.С. Зенин // История государства и права. 2012. № 5. С. 15–18.
7. Зенин С.С. Публичные слушания и вече (исторический аспект) / С.С. Зенин // История государства и права. 2008. № 15. С. 16–18.
8. Кавелин К.Д. Письмо к издателю // Опыт русского либерализма. Антология / К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин. М. : Канон, 1997. С. 21–37.
9. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2 / Н.И. Костомаров Спб. Обществ. Польза, 1863. 448 с.
10. Полное собрание Русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летопись. СПб., 1846. 267 с.
11. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. 432 с.
12. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке / Ю.Ф. Самарин // Русская беседа. 1856. № 1. Отд. науки.
13. Самарин Ю.Ф. Замечания на заметки «Русского Вестника» по вопросу о народности в науке / Ю.Ф. Самарин // Православие и народность. М., 2008.
14. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей / В.И. Сергеевич. М., 1867. 423 с.

К вопросу о государстве и праве в средневековой Сибири (памяти доктора юридических наук С.А. Капитонова)

*Ярков Александр Павлович,
ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра
противодействия идеологии экстремизма и терроризма
Тюменского государственного университета,
доктор исторических наук
ayarkov@rambler.ru*

*В статье рассмотрена малоисследованная в науке специфика организации государства в Сибири в Средние века. Отражены исторические особенности соотношения обычного права и шариата.
Ключевые слова: история государства и права, Сибирь, Средневековье, управление.*

On State and Law in Medieval Siberia (in Memory of S.A. Kapitonov, Doctor of Law)

*Yarkov Aleksandr P.,
Leading Research Scientist
of the Expert Scientific Centre for Countering Extremism and Terrorism Ideology
of the Tyumen State University
Doctor of History*

*The article deals with the specifics of the Organization of the State in Siberia during the Middle Ages.
Reflects the historical characteristics of the ratio of customary law and the Sharia.
Key words: history of state and law, Siberia, the Middle Ages, administration.*

Первое. Правоведение и государствоведение — взаимодействующие области юридического познания и практики. Это взаимодействие создает системное качество — государственность, понимаемую как возможность гарантированной поддержки прав подданных и отсутствие препятствий для реализации их интересов. Интересы обеспечиваются за счет потенциального наказания за правонарушения и за счет недопущения нарушения границ частной воли большинства населения.

Второе. Разделение истории на временные отрезки всегда спорно. Не случайно О. Шпенглер называл схему «Древний мир → Средние века → Новое время» невероятно скудной и лишенной смысла¹. Это подтверждает несоответствие азиатского понимания Средневе-

ковья европейскому, у которого есть четкие временные границы и феодальная политика, экономика, ментальность населения. Тем не менее, и здесь можно выявить «осевое время», связанное со сменой парадигм, — правление хана Кучума и поход атамана Ермака².

Также определимся: в Сибири попеременно (иногда и одновременно) в XIV–XVII вв. существовало несколько государств (политий) различного уровня централизации и организации — ханства, княжества, вилайеты, племенные союзы, которое назовем обобщенно Сибирский юрт. Это позволяет, абстрагируясь от

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 49.

² Капитонов С.А., Ярков А.П. «Осевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы международной конференции. Курган, 2011. С. 87–90.

частностей, определить схему управления и сущность правового обеспечения.

Приняв во внимание эти три обстоятельства, легче понять, как в средневековой Сибири, не имея прописанного свода законов, функционировала государственная машина и соблюдались интересы если не всех, то многих.

По сути любое государство — это юридическая конструкция, созданная для объединения усилий людей, пребывающих в одном пространстве. Оно возникает там и тогда, где и когда у многих (не только у элиты) совпадают представления о жизненно важном пространстве, ресурсах и интересах. Конструкция государства в таком случае — упорядоченность элементов, способная обеспечить (проявить, реализовать) некое полезное качество.

Понимание жителями средневековой Сибири — кочевниками и полукочевниками — пространства, истории и современности сложилось на основе их ощущения категорий, которые вытекали из человеческого бытия. При этом каждое племя имело свою «эру» и вело отсчет по «памятным событиям» собственного прошлого: война, набег, эпидемия, голод и т.п. Очевидно, имелись и общезначимые (племенные) события, оказавшиеся общей точкой отсчета времени, которое менялось, когда происходили новые и более важные события.

Во многих научных изданиях история сибирской государственности воспринималась в контексте истории Золотой Орды. Но в глобальном плане история Золотой Орды «делалась» не в Сибири³. Конечно, войдя в подчинение Орде, часть её населения оказалась вовлеченной в континентальные процессы гораздо глубже, нежели в предшествующие столетия. Большая часть населения приобщилась к новой политике пассивно, в виде потребления духовного и материального продукта. Активную позицию поддерживало лишь меньшинство, занятое в сфере управления, которое местная знать осуществляла от имени той или иной политики, унаследовав и институт тарханства⁴.

Создатели Орды, несмотря на то, что опирались на военную организацию (как главную и стержневую силу), в большей степени являлись созидателями. Их реформаторский дух, выработанный на основе осознанных соб-

ственных и общественных потребностей, а также «Ясы» Чингисхана обеспечили цивилизационный прорыв в истории этой части человечества⁵, поскольку на протяжении двух столетий гарантировали определенные права значительной группе людей, проживавших на этом пространстве.

После того как правообеспечительное управление и технологии государственного гарантирования исчерпали свои ресурсы (и осталось лишь принуждение), на остатках Золотой Орды удельные сюзерены смогли внушить вассалам надежду на получение выгоды от подчинения и создать для них реальность (или иллюзию реальности) взаимной пользы.

По А. Дж. Тойнби цивилизация — это культура, достигшая пределов самоидентификации⁶. Рассматривая процессы на территории Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что здесь соприкасались две различные цивилизации: одна — «биогенная», выработавшая жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; вторая — «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивающаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность явлений⁷.

Признавая незавершенность процессов, происходивших в Сибири, заметим, что их не следует рассматривать только в рамках концепции тюрко-исламской / золотоордынской цивилизации⁸. Она конструируется рядом ученых с «поволжско-центристских» позиций. Для Сибири в сравнении с Поволжьем и Крымом характерны иные особенности:

— мифологическая система, которая вплоть до XVIII в. поддерживала у населения

⁵ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация : сборник статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 13.

⁶ Идентификация, заметим, всегда различна: на уровне личности, внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны. Социум в Сибири представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

⁷ Рянская Э.М., Рянский Ф.Н. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // Aus Sibiren : научно-информационный сборник. Тюмень, 2008. С. 153.

⁸ Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация : сборник статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 154–173.

³ Русский улус, долгое время не влиявший на события в Золотой Орде, также не может считаться её центром.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997. С. 129.

четкое представление о том, что здесь — «край света» (для других регионов Ойкумены — в абсолютной изоляции живут полулюди-полузвери, которые не обладают социальной организацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации);

— географическая отдаленность и суровый климат, огромные масштабы и малая заселенность региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а также отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей. Это в совокупности не благоприятствовало включению региона в общие процессы исламизации, политической консолидации и феодализации, проистекавшие в центре Золотой Орды;

— династийная система, заимствованная у монголов, функционировала лишь эпизодически, что не способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингизиды;

— отсутствие «трех цивилизационных кругов», издавна включавших азиатскую Сибирь в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой и властью, которая часто (и органично) объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей — иногда самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (пробраза демократии, но не его аналога);

— асинхронность с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдаленных регионах, где проживало тюркоязычное и (или) мусульманское население. Притом, что контакты имели место и до периода Золотой Орды;

— тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

— сама государственность не имела «полноценно-золотоордынских» механизмов управления, а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников».

В изучаемый период можно говорить о потребности части сибирского социума в объединении. При этом слабе выраженное «государственное мышление» элиты нельзя расценивать как слабость или путь к объединению всех, причина которого — внешняя угроза.

Институт владения землей и в мифотворчестве сибиряков не имел сходства с русской, ближневосточной или среднеазиатской моделью: пастбища и промысловые зоны принадлежали роду, считались общей собственностью. С другой стороны, сообщество нуждалось в организованной жизни.

Функцию регулятора для части населения края примерно с XVI в. исполнял ислам, но даже в период Сибирского ханства не осуществлялось судопроизводство только по *шариату*. Жизнеспособными оказались нормы обычного права, где традиции отфильтровывались и не противоречащие канону сохранялись. Посредством практики формировалась ментальность мусульман, определяя нормами и запретами стереотипы поведения в природно-географическом, геополитическом и социокультурном окружении. Догматика дополнялась региональными особенностями, которые не противоречили ни общечеловеческим ценностям, ни сложившимся моральным установкам сибиряков.

В структуре сибирской уммы периода Средних веков до сих пор мало изучена роль индивида. Причина в том, что письменные источники в основном содержат упоминания дел правителей и мусульман, занимавшихся миссионерством⁹. История сохранила именно их точку зрения на отношение сибиряков к нормам ислама, позитивное восприятие ими *своих* традиций и негативный образ *чужих*, возникавшие благодаря стремлению к сохранению собственной культурной идентичности. Люди, чьи качества и поступки запоминались многим, обращались их ближайшим окружением в символы, помогающие синхронизировать и идентифицировать сознание индивидуумов. Кто ты, — помощник в создании нашего (моего) блага, или конкурент моего (нашего) благополучия?¹⁰

В Сибири не было сословного общества в европейском смысле этого слова¹¹, но су-

⁹ Хотя специально обученных миссионеров в исламе не существует и теологически не оправданно. Есть даават — призыв к Истине, который обязан проводить каждый мусульманин. См.: Сакур В. Тюрки, татары, мусульмане (статьи, очерки, эссе). М., 2012. С. 22, 370.

¹⁰ Вполне можно допустить, что и возникновение религии имеет одной из своих предпосылок похожую, также осмысленную с помощью абстракции, связь выдающегося индивидуума с полезными и проявлениями окружающего мира. Возможно, в начале этого пути идентификация почитаемого символа стоящими за ним приверженцами служила одновременно и основанием для признания конкурентами всех, стоящих за непонятным, чуждым символом.

¹¹ Имевшего следующие признаки: каждое сословие имело специфические права и социальные функции, закрепленные в обычаях или законе; представители

ществовала некая иерархия: властелин избирался. Беки и мурзы покоренных территорий собирали ясак со своих податных людей и определенную часть приносили правителю. Это понятно: во-первых, свои вызывали меньший протест. Во-вторых, они работали и за собственную выгоду.

Личная выгода была (и, увы, будет) спутницей ретивости чиновников¹². Звание тарханов давалось ханом бекам и мурзам за добровольное подчинение или особые заслуги. Тархан и его собственность признавались неприкосновенными, а обязанность его и дружины перед ханом состояла в военной службе¹³. Скотоводы, рыболовы, охотники и земледельцы назывались «черными» (кара халык) улусными людьми. Они были обязаны нести военную службу в отряде тархана, ежегодно дарить продукты скотоводства или промысла. Не все из кара халыков являлись мусульманами и не столько из-за недоступности их селений, сколько из-за различия языка и уклада жизни¹⁴.

Для закрепления успехов на подчиненной территории нужно упрочить правовую базу. В регионе уже существовал адат, использовавшийся при разрешении споров в области морали, быта религиозных практик как следствие моральных ограничений (институт табуитета),

которое разрешало большую часть конфликтов без применения вооруженных сил, а судебные издержки, в том числе оплата третейских судей, принимались к исполнению конфликтующими сторонами как необходимые¹⁵. Даже население, перешедшее от «язычества» к исламу, продолжало придерживаться обычного права¹⁶. Более того, адат исключал действие некоторых норм мусульманского права и влиял на ритуально-догматическую сторону, родив особый феномен — «адатный ислам» в сибирском варианте. Это еще одно подтверждение того, что ислам проявлял себя здесь не столько в качестве неперемennого и нерушимого условия объединения человеческих сообществ, сколько в качестве одного из объединяющих человеческие сообщества абстрактных символов, который легко мог корректироваться в интересах объединившихся. Изъясном такого инструмента было то, что кроме этой абстракции присоединившимся к исламскому сообществу ничего не предлагалось.

Ошибочно полагать, что организация государства являлась безупречной, а достигнутая стабильность — очевидной для каждого князька, который со своими подданными стремился остаться самостоятельным правителем. Проявившись, осознание личной выгоды от обладания властью, доверенной лидерами человеческих сообществ, стало равноправной частью механизма образования сибирских политий. Польза от пребывания в составе государств получалась взамен на уступки каждого в пользу поддержания способности конструкции государства предоставлять таковую соразмерно его ожиданиям и уступкам.

Есть основания полагать, что первопричиной появления юридического устройства сибирских политий стала объективная необходимость закрепления оптимума организации человеческого сообщества путем ресурсной поддержки его позитивов и силового блокирования его негативов.

сословий объединялись в организации и корпорации; сословия имели право на самоуправление и участие в местном и центральном управлении. Заметим, что все-таки сословные права передавались по наследству, а их носители обладали ментальными особенностями, самосознанием и, очевидно, имели внешние отличия в одежде и украшениях.

¹² И только открытие способа выявления соразмерности пользы от действий чиновника и его личной выгоды избавляет общество от произвола и алчности чиновников. Сейчас ясно одно: связь выгоды чиновника с пользой обществу от его работы и создание условий, в которых личную выгоду станет можно только заработать, превратит чиновника в честного и заинтересованного гаранта проявления государственной власти, проявляющей себя в виде поддержки, профессионально оказываемой государственным подданным.

¹³ Атласов Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной. Казань, 2005. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997. С. 35–52.

¹⁶ Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов. М., 2003. С. 46.

Литература

1. Атласов Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной / Х.М. Атласов— Казань : Татарское книжное издательство. 2005. 96 с.
2. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа : Китап, 1996. 520 с.
3. Капитонов С.А. «Осевое время» Сибири / С.А. Капитонов, А.П. Ярков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы международной конференции. Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2011. 136 с.

4. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация : сборник статей. Вып. 1. / Э.С. Кульпин-Губайдуллин. Казань : Издательство ИИ АН РТ, 2008. 176 с.
5. Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) : сборник // Российская академия наук, Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. и авт. коммент. В.В. Карлов / под ред. Ю.И. Семенова. М. : Старый сад, 1997. 396 с.
6. Российская многонациональная цивилизация : единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов. М. : «Наука», 2003. 378 с.
7. Рянская Э.М. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // Aus Sibirien : научно-информационный сборник / Э.М. Рянская, Ф.Н. Рянский. Тюмень : Рекламно-издательская фирма «КоЛеСо», 2008. 235 с.
8. Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация : сборник статей. Вып. 1. Казань : ИИ АН РТ, 2008. 176 с.
9. Садур В. Тюрки, татары, мусульмане (статьи, очерки, эссе) / В. Садур. М. : Изд. дом Марджани, 2012. 400 с.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. М. : Московский университет, 1973. 181 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. / авт. вступит. ст. А.П. Дубнов, авт. коммент. Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. / О. Шпенглер. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

К вопросу исследования актов органов самодержавия в процессе реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

*Маремкулов Арсен Нажмудинович,
профессор кафедры теории государства и права
Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ),
доктор юридических наук, кандидат исторических наук
arsen1904@yandex.ru*

В статье автор предпринял попытку посредством изучения юридических форм отразить политику Российского государства, направленную на освоение Северного Кавказа в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: акты, Государственный Совет, органы самодержавия, российское законодательство, Северный Кавказ.

On Research of Acts of Autocracy Authorities in Development of Russian Policy in the North Caucasus in XVIII – XIX Centuries

*Maremkulov Arsen N.,
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kabardino-Balkarian State University named after N.M. Berbekov (KBSU)
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences*

The paper is an attempt through the study of legal forms to reflect the policy of the Russian state aimed at the development of the North Caucasus in the XVIII – XIX centuries.

Key words: acts of the Council of State, bodies of the autocracy, the Russian legislation, the North Caucasus.

Изучение политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. требует глубокого осмысления с юридической точки зрения. Это обусловлено тем, что юридические аспекты указанных событий являются наименее исследованными, несмотря на относительно богатство исторической литературы¹. Анализ источников, относящихся к данной теме, позволяет сделать вывод о том, что на протяжении отмеченного периода в России практически была создана особая нормативная юридическая система, обеспечивавшая процесс присоединения Северного Кавказа к России. Она отражала изменяющиеся социальные обстоятельства, реагировала на происходящие процессы, стала особым инструментом, с помощью которого регламентировался ход исторических событий.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на таком виде актов Государственного Совета (далее — Госсовет), как **мнения**, которые, на наш взгляд, представляют собой демонстрацию реальных возможностей, которые были сосредоточены в юридическом воздействии на ход реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

С точки зрения юридической технологии, мнения Госсовета имели свои особенности. У каждого акта имелась преамбула. Преамбулы мнений Госсовета могли содержать в себе «рассуждения» о действующем законодательстве по рассматриваемому вопросу. Постановляющая часть мнений Госсовета имела свое графическое деление — графику пунктов. В свою очередь, в зависимости от объема регулируемых отношений пункты могли дробиться на абзацы. Подобное деление придавало принимаемому акту строгость изложения.

Графически были выделены и наложенные на мнение Госсовета резолюции Его Императорского Величества (Е.И.В.). Резолюции Е.И.В., как правило, были двух видов: одни представляли собой помету «Быть по сему», другие резолюции закрепляли решения общего собрания Госсовета и выделялись пометой «Высочайше утвердить изволим и повелели исполнять». Независимо от вида утверждения (резолюции) мнения Госсовета имели одинаковую юридическую силу.

Отличительной особенностью мнений Госсовета было наличие большого количества ссылок на другие акты. Связи мнений Госсовета с другими актами носили иерархический характер. Ссылки на другие акты могли производиться: на акт в целом; на определенную его часть; на акт с особыми оговорками, которые выделяли специфику решаемого вопроса; на акт с толкованием его содержания или определенной его части.

Примером закрепления юридической основы реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII — XIX вв. может служить высочайше утвержденное мнение Госсовета от 20 июня 1835 г. по вопросу отношений кавказских ясырей, или холопов, к их владельцам². Этот документ состоял из 23 пунктов. В целом эти пункты можно было разделить на две части: пункты, устанавливающие порядок выкупа ясырей и невольников, и пункты, устанавливающие порядок их нахождения у «приобретателей».

В начале акта отмечалось о порядке выкупа ясырей. Все подданные Российской империи независимо от вероисповедания имели право выкупать у некоторых горцев «ясырей и невольников». Выкупаемые ясыри с момента покупки становились подданными России. В пункте 2 указывалось, что с момента покупки «прекращается и само их именование ясырями, означающее раба или невольника, как несвойственное, по законам, Российскому подданному».

Особый интерес представляет пункт 3, в котором Госсовет разрешает «пользоваться их услугою» на следующих основаниях: выкупленный невольник должен был прослужить у хозяина 25 лет, если был куплен в возрасте 5 лет, соответственно 20 лет — при возрасте 10 лет; 15 лет — при возрасте 15 лет; 12 лет — при возрасте от 15 до 20 лет; 10 лет — при возрасте от 20 до 30 лет; 8 лет — при возрасте от 30 до 40 лет; 5 лет — при возрасте от 40 до 50 лет.

При покупке пленных покупатель и продавец должны были определить возраст выкупаемых. Ввиду отсутствия документов возраст

¹ Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII веках. Грозный, 1988.; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20–30-х годов XIX века. Майкоп, 1994; Кавказская война: хронологические рамки, основные этапы // Кавказская война: спорные вопросы, новые подходы. Махачкала, 1998. С. 32–34; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX в.). М., 1955; Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. Ростов н/Д, 1989; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1959; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992; Патракова В.Ф., Черноус В.В. Кавказская война: геополитический и цивилизационно-культурный аспект изучения // Кавказская война: спорные вопросы, новые подходы. Махачкала, 1998. С. 99–102.

² ПСЗ РИ. Т. X. 1836. № 8138.

определялся примерно «по их росту, виду и наружности, под присягою в справедливости даваемых по сему предмету показаний».

Интересным обстоятельством можно считать то, что приобретателям позволялось передавать права на «пользование их (ясырей. — А.М.) услугою» другим лицам. Вместе с тем такое право было обременено двумя запретами: лицо, которому передавался невольник, обязательно должно было быть поданным Российской империи, и переход мог осуществляться только после «отслужения ими у первого приобретателя пяти лет».

Установив порядок выкупа невольников, Госсвет большое количество пунктов посвятил непосредственному их нахождению у приобретателей. Так, пунктом 7 было установлено, что выкупленные лица во все время их служения должны были быть «снабжаемы от хозяев своих приличным одеянием и надлежащею пищею так, чтобы они не терпели никакой нужды».

В пунктах 12, 13 закреплялся порядок выхода выкупленных лиц на свободу. Главным основанием выхода была услуга обозначенного в пункте 3 срока. После окончания срока бывшему ясырю предоставлялась свобода «сходная по желанию», он мог сам избрать род жизни, а также записаться в казенные поселяне, мещанство, купечество или в линейное казачье сословие.

Вопрос о выкупе ясырей был весьма сложный. С течением времени менялись обстоятельства, появлялись новые вопросы. Именно этим обстоятельством вызвано было то, что 11 декабря 1839 г. появилось еще одно высочайше утвержденное мнение Госсвета о выкупе ясырей³. Основанием принятия подобного акта послужило заключение Правительствующего Сената. Изменения и дополнения коснулись порядка отчуждения бывших ясырей от своих хозяев до установленного, положенного срока.

Нормативное закрепление функционирования органов власти, порядка их формирования были одними из главных вопросов, которые отражались в мнениях Госсвета. Так, 21 октября 1837 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета (опубликованное 14 декабря) о порядке избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам⁴.

Основанием для рассмотрения настоящего вопроса послужило заключение Правительствующего Сената.

В пункте 1 отмечались основания для проведения подобных выборов. Для избрания мулл и других магометанских духовных лиц необходимо было волеизъявление не менее двух третей прихода, которые «почитаются старейшинами семейств». Таким образом, инициатива выборов исходила от самих избирателей.

Несмотря на данную свободу, выборы должны были быть под пристальным вниманием представителей российских органов власти на местах и должны были осуществляться в обязательном порядке в присутствии «волостных голов и сельских начальников». Присутствие этих лиц было обязательно при выборах среди жителей «податного состояния», выбор же среди «военного сословия» должен был осуществляться в присутствии кантонных начальников и юртовых старшин.

Закрепленные во мнении Государственного совета положения были также утверждены резолюцией Е.И.В. «Быть по сему».

В плане реализации политики в регионе интерес представляет высочайше утвержденное мнение Госсвета от 16 октября 1839 г. о продолжении шестилетнего срока действия правил, установленных в 1831 году, о производстве суда и расправы над горцами и другими народами Закавказского края⁵.

При решении обозначенного вопроса на Государственном совете был заслушан обстоятельный доклад общего собрания первых трех департаментов Правительствующего Сената. Заключение Сената было признано правильным. Госсветом было принято решение продлить действие указа о производстве над горцами и другими закавказскими народами суда и расправы. Вместе с тем конкретный срок продления четко не устанавливался. Госсвет определял, что положение должно было действовать «в настоящей его силе и действии» до издания общего учреждения об управлении Закавказского края.

Вместе с тем в решении делалась оговорка — действие положения распространяется с учетом изменений, относительно «суждения» татар и горских народов и относительно Армянской области, которая получила «особое образование».

Как и другие мнения Госсвета, это мнение было утверждено резолюцией. В резолюции отмечалось, что Е.И.В. «воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, о продолжении шестилетнего срока действия указа о производстве суда и расправы над горцами и другими народами Закавказ-

³ ПСЗ РИ Т. XIV. 1840. № 12968.

⁴ ПСЗ РИ Т. XII. 1838. № 10594.

⁵ ПСЗ РИ Т. XIV. 1840. № 12767.

кого края, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить».

О том, что регион постепенно входит в орбиту Российской империи, свидетельствовало то, что имелись акты, в которых наряду с другими регионами Российской империи регулировались отношения и на Кавказе.

Наглядным примером подобных актов может служить высочайше утвержденное мнение Госсовета от 18 апреля 1838 г. о прекращении отвода земель по всемилостивейшему пожалованию в губерниях Саратовской, Оренбургской и области Кавказской⁶. Основанием для рассмотрения вопроса были переданные из Комитета министров представление управляющего Министерством юстиции и мнение генерал-адъютанта Киселева. Госсовет отмечал, что изучение этого вопроса состоит из двух конкретных оснований: из права на получение и избрание земель и из права на владение избранными уже участками. Соответственно из двух частей состояла и преамбула.

Далее рассматривался вопрос о преобладании одного закона над другим. Необходимо отметить, что основная ссылка шла на высочайше конформированный доклад Сената от 17 октября 1801 г., в котором губернии Саратовская и Оренбургская были признаны «избыточествующими в землях, сверх пропорции казенных крестьян — 15 десятин на душу». В связи с этим Госсовет отмечал, что «частные лица считали и могли считать себя вправе избирать в оных участки».

Этому праву не препятствовали статья 398 Свода постановлений о благоустройстве в городах и селениях, основанная на указе 1831 года, а также высочайшее повеление от 18 февраля (30 марта) 1837 г. (№ 10078). Госсовет объяснял это тем, что закон не имеет обратной силы. Так, ссылаясь на статью 60 Свода основных законов, отмечалось, что «каждый новый закон имеет действие свое только на будущее время и не простирается на деяния, уже совершившиеся, исключая лишь случаи, приведенные в последующей 61 статье, когда в самом законе постановлено, что «сила его распространяется и на времена, предшествовавшие его обнародованию». Ссылаясь на эти статьи Свода основных законов, отмечалось, что в указанном Высочайшем повелении «подобного из общего правила изъятия не содержится».

Детальное толкование было закреплено и по второй части — права на владение избранными участками. Здесь, по сути, был закреплен порядок регистрации прав на земельные участки.

На основании этого порядка и в соответствии со статьей 572 Свода законов гражданских правил сведения об избранных по пожалованию земель предоставлялись высшему управлению, которое ведало в то время государственным имуществом. Обязательным условием представления материалов было наличие плана земельного участка с учиненными на нем порядками. Высшее правление состояло в лице министра финансов, а потом Временного совета, «сосредотачивающееся в лице Министра Государственных Имуществ».

По данному вопросу, если Высшее правление находило правильное мнение Палаты, то давало свое заключение и передавало вместе с ним весь пакет документов в Правительствующий Сенат. И только после этого земли отводились в «действительное» владение и исключались из казенного ведомства.

Данные правила были закреплены в статьях 573 — 575 Свода законов гражданских правил (Т.10). Резюмируя и поясняя это положение, Госсовет отмечал, что «отсюда само собою следует, что право владения избранными участками начинается не прежде, как когда они будут за пожалованными лицами утверждены Сенатом, и что после сего утверждения всякое распоряжение ими со стороны казны уже пресекается».

Таким образом, Госсовет, прежде чем вынести решение по регулированию земельных отношений в указанных областях Российской империи, детально изучал имеющееся законодательство и четко определял базу, основание, из чего «по предмету сему вопросы, простираются».

Необходимо отметить, что в этих актах были закреплены и меры поощрения, которые были направлены на скорейшее освоение края и включение его в орбиту состав Российской империи. Примером подобного акта может служить высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Министерством финансов от 4 мая 1842 г., где также вопрос касался торговли и установления льгот в Кавказской области для мещан.⁷

Госсовет свое мнение основывал на представлении министра финансов. Данный акт имел свое действие, в первую очередь, на мещан-одиночек, которые не подлежали рекрутству. Им было предложено развивать торговлю в Кавказской области.

Здесь же закреплялось положение, согласно которому мещане-одиночки обязаны, были завести за карантинной линией прочную торговлю. Под прочной торговлей понималась оседлость торговцев. При основании этой

⁶ ПСЗРИ Т. XIII.1839. №11152.

⁷ ПСЗРИ Т. XVII. 1843. № 15604.

«прочной торговли» торговцам предоставлялись права купцов 3 гильдии, а вместе с этим и освобождение от уплаты повинностей. Это поощрение (льгота) действовало ровно столько, сколько осуществлялась этими лицами торговля с условиями, выдвинутыми в акте. Подобное преимущество с определенными оговорками также предоставлялось семейным мещанам.

В заключение сформулируем некоторые выводы:

1. Исследование событий на Северном Кавказе в обозначенный период посредством изучения юридических форм может служить одним из важных, но нереализованных подходов

позволяющим в полной мере отразить политику Российского государства, направленную на освоение Северного Кавказа.

2. Исследование юридической технологии мнений Госсовета позволяет нам говорить, что при принятии подобных актов во главу угла ставились единство и взаимосогласованность пунктов, что способствовало достижению качества принимаемого решения, а вместе с тем и достижению цели акта.

3. Мнения Госсовета свидетельствовали о серьезной разработке юридических механизмов, посредством которых реально проявлялась и проводилась в жизнь политика российской самодержавной власти.

Литература

1. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII веках / Я.З. Ахмадов. Грозный, 1988. 174 с.
2. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20–30-х годов XIX века / А.Х. Бижев. Майкоп, 1994. 374 с.
3. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-е — 70-е годы XIX в.) / С.К. Бушуев. М., 1955. 116 с.
4. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана / В.Г. Гаджиев. М., 1965. 398 с.
5. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века / А.Х. Касумов. Ростов-на-Дону, 1989. 191 с.
6. Касумов А.Х. Геноцид адыгов / А.Х. Касумов, Х.А. Касумов. Нальчик, 1992. 199 с.
7. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке / Т.Х. Кумыков. Нальчик, 1965. 420 с.
8. Патракова В.Ф. Кавказская война : геополитический и цивилизационно-культурный аспект изучения / В.Ф. Патракова, В.В. Черноус // Кавказская война : спорные вопросы, новые подходы. Махачкала, 1998. С.99-102.
9. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках / Н.А. Смирнов. М., 1959. 247 с.

Сравнительно-правовое исследование федерализма в историко-правовом и конституционном измерении

Сафонов Владимир Евгеньевич,
заведующий кафедрой истории права и государства
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
kaf_istorii08@mail.ru

Миряшева Екатерина Владимировна,
профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук
sansara81@mail.ru

Систематизированы взгляды исследователей классического и современного периода по проблемам становления и развития федерализма. Проанализирован ряд научных доктрин американского федерализма, активно используемых в судебной и политической практике: «дуалистический федерализм», «кооперативный федерализм», «конкурентный федерализм».

Ключевые слова: федерализм, субъекты федерации, доктрины федерализма, конституция.

Comparative Law Research of Federalism in Historical Legal and Constitutional Dimension

Safonov Vladimir E.,
Head of the Department of History of Law and State
of the Russian State University of Justice
Doctor of Law, Professor

Miryasheva Ekaterina V.,
Professor of the Vitruk Department of Constitutional Law
of the Russian State University of Justice
Doctor of Law

Systematized views of researchers of classical and contemporary period, problems and development of mills of federalism. Analyzed several scientific doctrines American Federation faces, are actively used in judicial and political practice: «dualistic federalism», «to prompt of federalism», «Competitive federalism».

Key words: federalism, subjects of the Federation, doctrine of federalism, the Constitution.

Современные тенденции совершенствования федерализма и формирующие представления об его идеальной модели имеют свои потенциальные возможности и пределы воплощения в каждом государстве с учетом степени развитости политических, экономических, социальных и правовых отношений. При наличии общих признаков каждое федеративное государство обладает специфическими

чертами, позволяющими судить о принадлежности к определенной модели федерализма. Как правило, характеристика моделей федерализма проводится исследователями на основе таких важнейших показателей, как природа федерации, способ ее образования, вид учредительного правового акта (форма образования), степень централизации государственных функций и, наконец, характер разделения

и реализации власти и ответственности¹. Только в единстве все эти качества могут раскрыть особенности моделей федерализма в различных государствах, в том числе США.

При анализе федеративного устройства конкретной страны одной из основных задач становится определение уровня демократичности и эффективности той или иной модели федерализма, наличия принципов и путей их реализации.

Категория модели федерализма рассматривается как научная абстракция, включающая как тип политико-территориального устройства государства, так и тип организации и функционирования государственной власти. В действительности, она может существовать только через отдельное и в непрерывной связи с особым². В свою очередь, в теории и на практике реальная модель представляет собой неразрывное единство общего и особенного, что и определяет использование такой категории, как «модель федерализма».

Модель федерализма представляется как некоторая социально-политическая реальность концептуально-теоретического типа и как некие критерии построения федеративного государства и его фундаментальные аспекты.

Основу любой модели федерализма составляют принципы, раскрывающие сущность федеративной структуры, которые определяют особенности федеративной структуры и ее механизмов. В ходе этого процесса происходит институционализация особых, специфических отношений между субъектами политической жизни государства. Поэтому, можно сказать, что без этих принципов, механизмов и соответствующих институтов нет и федерализма³.

Однако по вопросу о подходах к определению различных моделей федерализма, их типологизации в отечественной и зарубежной юридической науке нет единого мнения. Так, согласно исследованиям некоторых ученых модель федерализма рассматривается как федерализм, при характеристике которого можно говорить лишь об особенностях федераций, но никак не о моделях федерализма.

Следует подчеркнуть, что сужение исследования федерализма на основе определения его особенностей и выделение различных моделей, характеризующих специфику систем разделения государственной власти по вертикали, степени развития демократии и эффективности федеративного устройства, едва ли оправданно⁴.

На наш взгляд, следует выбрать другой путь и выделить модель федерализма, взяв за основание некоторые общие черты и принципы, имеющие место в практике разных стран. Критерием классификации служат также взаимоотношения между разными уровнями власти, что наглядно видно на примере США.

Так, американская модель федерализма в значительной мере предопределяется спецификой системы разделения государственной власти по вертикали. Именно с позиций образования и функционирования системы разделения власти между федерацией и ее субъектами в конкретном государстве в первую очередь представляется необходимым проводить типологию современных моделей федерализма⁵.

Таким образом, для нашего исследования наибольший интерес представляет американская модель федерализма и ее виды — монистическая, дуалистическая, координированная, договорная, кооперативная.

Ряд ученых, исследуя федерализм, рассматривают его как некое течение, характеризующееся с точки зрения как взаимоотношений между различными уровнями правительственной власти, так и с точки зрения сочетания самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации. Например, Д. Элазар рассматривал федерацию как форму организации государственной власти, ключевое звено в которой, играет центральное правительство, наделенное собственными полномочиями, которые делегируются населением, а единицы, входящие в состав этой федерации, получают право как на самоуправление, так и на совместное участие в процессе конституционного управления в целом. По Д. Элазару в основе федерализма лежит концепция взаимоотношений целого и его составных частей⁶.

Для федерализма, считал он, является необходимым все многообразие такой обще-

¹ См. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма : дисс... д-ра юрид. наук. М., 1997.

² Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричности федерации // Государство и право. 1997. № 8. С. 61.

³ Карапетян Л.М. К вопросу о «моделях федерализма» (критический обзор некоторых публикаций) // Государство и право. 1996. № 12. С. 58; Задарновский Б.Б. Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 67–68.

⁴ Raoul Berger, *Federalism : The Founders' Design* (Norman: University of Oklahoma Press, 1987).

⁵ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. 1998. С. 29.

⁶ Elazar Daniel J. *Federalism and the way to peace*. Institute of Intergovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 5.

ственной материи, как свобода и демократия, политический плюрализм, многообразие культур и регионов, то есть неоднородная общественная материя, поэтому в отличие от унификации и централизации, вектор которых направлен в конечном итоге на сокращение разнообразия, федерализм (при «правильном употреблении») дает любому государству и нации заметно большую внутреннюю энергетику, потенциал саморазвития. Федералистская диалектика сохраняет элементы полярности, конфликтности, напряженности, устанавливая для них определенные рамки, и направляет в русло признаваемых норм и правил. Однако неумение или неспособность государства удерживать в управляемых рамках эту энергетику чревато его распадом⁷.

Федерализм довольно распространенное явление в современном мире. Исследователи насчитывают порядка более 20 федеративных государств, занимавших 52% поверхности земли, государств, жители которых составляют почти 40% мирового населения. Однако для каждой федерации характерна специфика политической системы конституционного регулирования: одна может привести к разделению политической власти, другая — к ее предельной концентрации⁸.

На развитие федерализма оказывают влияние историко-правовые, национально-культурные и конституционные факторы.

Изучая проблематику реализации правовой и институциональной модели федерализма, возникает практическая необходимость в определении понятия «федерализма», его «воплощений», общих и специфических черт и т.д. Вопрос нередко ставится так: можно ли говорить о федерализме в обобщенном виде, либо можно изучать только его конкретные реализованные формы (американский, бельгийский, немецкий, российский и пр. федерализм)? Соответственно, один подход отражает сущностные черты федерализма, а другой отражает особенности, придает им всеобщее значение. Очевидно, истину необходимо искать, как всегда, посередине: без представлений об общих, родовых чертах федерализма, трудно определить, что мы собственно видим, а знание особенностей поможет уточнить подробности.

Осуществляя поиск «работоспособного» определения понятия федерализма, исследователи, как правило, формулируют собственное определение этого понятия либо ограничиваются перечислением основных признаков федерализма.

Очевидно, оба варианта имеют положительные и отрицательные моменты: в первом случае увеличивается и без того огромное количество дефиниций, вопрос о научности и корректности которых нередко порождает дискуссии; во втором — возможность субъективного подхода в описании бесконечно разнообразной эмпирики федерализма.

В настоящее время универсального понятия федерализма не сформулировано. Сам термин «федерализм» происходит от латинского *foedus* — «союз», «соглашение». В своем происхождении этот термин означал объединение независимых городов в Древней Греции, основанное для достижения общих целей в различных сферах, и создававших для этого единые органы власти⁹.

Некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения. По их мнению, следует понимать существующий режим, сложившийся в конкретных условиях, в конкретном государстве, в устройстве общества, на основе взаимодействия между ними, в том числе между территориальными сообществами людей внутри этих государств¹⁰.

Однако, многие ученые считают, что по смыслу данный термин совпадает с древнеиудейским *brit* (*berith*), который является фундаментальным понятием в библейской традиции и означает «соглашение с Богом», а также между теми людьми, которые решили строить отношения друг с другом на основе соглашения (*by covenant*)¹¹.

Пуритане Новой Англии, основатели классического федеративного государства — Соединенных Штатов Америки, были конгрегационалистами, приверженцами федеральной теологии. Самоуправленческие начала их общин опирались на идеи раннехристианских братств (*congregations*), отраженные в Новом Завете. Можно сказать, что пуритане стояли у истоков зарождения такого социального слоя, который сегодня называют *средним классом*. Исповедуя библейскую истину о равенстве всех людей перед Создателем, именно пуритане

⁷ Ibid. p. 11.

⁸ Frenkel M. *Federal Theory*. Canberra, 1986.

⁹ Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова. Опыт федерализма. М. 1994. С. 20.

¹⁰ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 12.

¹¹ Whiltshire K. *Planning and Federalism: Australian and Canadian Experience*. Queensland: University of Queensland Press, 1986. P. 68; Simeon R., Swinton K. *Introduction: Rethinking Federalism in a Changing World // Rethinking Federalism: Citizens, Markets and Government in a Changing World*. Vancouver: UBC PRESS, 1995. P. 4. Цит. По: Фарукшину М.Х. Современный федерализм. Российский и зарубежный опыт. Казань. 1998.

тане несли идею свободы человека личности, гражданского самоуправляющегося общества.

Суть понятия «федерализм» состоит в том, что самоуправляющееся гражданское общество, опираясь на процесс заключения совместного договора-соглашения между гражданами, устанавливает партнерские взаимоотношения с органами государственной власти. Критерием их зрелости, утверждает И.А.Умнова, является тип федерации.¹²

Повторим, что в современной научной юридической литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, не найден консенсус в понимании федерализма. Попытки интерпретации этого понятия заканчиваются слишком широкой или многовариантной трактовкой. По мнению ряда признанных ученых в данной области, «не существует никакой всеохватывающей теории федерализма, хотя имеется множество определений федерализма»; «нет единой модели федерализма, скорее, федерализм принимает много форм»¹³.

В своих работах О. Кельрейтер делает вывод о том, что федерализм — это очередная ступень эволюции государственного развития, которая подходит к завершению и преобразованию в нечто новое. Как считает О. Кельрейтер, на современном этапе имеет право на существование лишь коммунальная децентрализация, но не федерация. Ученый не признает возможность длительного существования стабильных союзных государств, так как «дилемма развития» держит «собственную государственность» членов федерации под постоянной угрозой. По его мнению, старая концепция федерализма отражала взгляды «закатившегося либерального правового государства»¹⁴. Американский ученый Джонсон полагает, что «различие между федеральной и унитарной формой правления относится больше к области фактов... Тенденция к отходу от федерализма наблюдается во всех странах, начавших с этой формы»¹⁵.

Для того чтобы сформировать наиболее полное представление о федерализме, его смысла и ценностей, целесообразно использовать различные подходы и методы.

Например, при изучении развития американской модели федерализма можно обнаружить, что федерация в данном случае выступает как продукт индивидуализации и

рационализации общественной жизни в эпоху Нового времени. Иначе говоря, федерализм явился отправной точкой стремления общностей к самоуправлению. Можно сказать, что истинный, глубинный смысл сущности американского федерализма кроется именно в стремлении к самоуправлению личности, освободившейся от оков традиционного общества, в возможности действовать по собственному усмотрению.

Наиболее развернутую юридическую теорию федерализма представляет американский ученый М.Н. Редиш, который отходит от шаблона в исследовании федерализма как некой совокупности государственно-правовых институтов. Ученый считает, что федерализм — это универсальная идея, которая активно применяется в практическом плане и может существовать там, «где очевидна сложность сосуществования идей общего и частного права». С этой позиции США как федеративное государство в собственном смысле слова являются проявлениями идеи федерализма. Теоретической основой федерализма М.Н. Редиш считает институционализм с его признанием плюрализма юридических порядков¹⁶.

Иного подхода к выявлению существенных черт федерализма придерживается И. Душак, который сводит его собственно к разграничению полномочий между двумя уровнями управления — общенациональным и региональным. По его мнению, федерализм представляет собой два вида правительства, которые наделены собственными полномочиями и взаимодействуют между собой в пределах отдельных, но взаимосвязанных юрисдикций. Как считает исследователь, эти черты достаточно кратко и содержательно определяют федерализм¹⁷.

Однако в настоящее время в западной юридической науке преобладает не этот довольно ограниченный, а многоплановый подход к анализу содержательных признаков федерализма. Так, с точки зрения Д. Элазара, для того чтобы наиболее полно раскрыть федерализм, описать его, необходимо исследовать три основные составляющие, которые типичны для всех истинно федеративных систем: 1) наличие писаной конституции, которая является по сути договором между сообществами, таким образом, определяет договорной характер федерации. Этот документ, в том числе,

¹² Умнова И.А. Указ. соч. М., 1998. С. 12.

¹³ Whiltshire K. Planning and Federalism : Australian and Canadian Experience.

¹⁴ O. Koellereutter. Deutsches Staatsrecht. Stuttgart Koin, 1953. S. 139.

¹⁵ Johnson C.O. Government in the United States. N.V., 1956. P. 37.

¹⁶ Redish M.H. The Constitution as Political Structure. N.-V. : Oxford University Press, 1995. P. 25.

¹⁷ Duchacek J.D. Perforated Sovereignties : Toward a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units. L. : Clarendon Press, 1990. P. 3.

устанавливает характер разделения власти в рамках политической системы, причем особое внимание уделяется именно разграничению власти между федеральным центром и субъектами федерации, и, соответственно, специальных процедур, с помощью которых это возможно изменить; 2) типично для всех федеративных систем, это децентрализация (*noncentralization*). Как считает автор, ее не стоит отождествлять с децентрализацией, поскольку последняя предполагает наличие центральной власти, которая по своему усмотрению может осуществить децентрализацию или рецентрализацию властных полномочий; 3) атрибутом любой федеративной системы Д. Элазар считает пространственное (*areal*) деление власти. «По-видимому, — пишет он, — федеративная система требует какой-то пространственной основы для федеративного деления, хотя, возможно, в сочетании с другими элементами»¹⁸.

Необходимо отметить, что в основе большинства определений федерализма, представленных зарубежными исследователями, лежит принцип разграничения предметов ведения и полномочий. Говоря о федеративном государстве как о политической системе, У. Райкер обращает внимание на распределение полномочий между центральным правительством и региональным на основе федерального принципа, когда названные правительства, каждое в рамках собственных полномочий, одновременно координируют свою деятельность и являются независимыми¹⁹.

Так, Карл Дж. Фридрих расширяет рамки исследования понятия федерализма, отличая его от обычной формы децентрализации согласованных решений и действий общефедеральных

и местных органов. Ученый рассматривает федерализм как процесс и динамично развивающуюся систему, имеющую собственную структуру взаимоотношений, которым не свойственна статика и жесткая нормативная регламентация²⁰.

Заслуживает внимания также представление о федерализме признанного американского ученого А. Лифарта, который наряду с такой основной характерной особенностью американского федерализма, как общеобязательное разделение власти между центральным и региональными правительствами, выделил вторичные признаки, которые в своей совокупности дополняли это понятие. Во-первых, речь идет о наличии писаной конституции, которая устанавливает и уточняет разграничение власти, а также содержит гарантии, что эти полномочия не будут изъяты у центрального и регионального правительства. Во-вторых, наличие двухпалатного законодательного органа, где одна палата олицетворяет народное представительство в рамках всей страны, другая — территориальные сообщества федерации. Субъекты федерации наделены правом внесения поправок в федеральную конституцию, а также в одностороннем порядке изменять собственные конституции²¹.

Таким образом, к определяющим показателям федерализма относятся права и свободы человека, республиканизм, а также равноправие граждан; наличие гражданского общества; разделение властей; разграничение полномочий между федеральной властью и субъектами.

²⁰ C.J. Friedrich. Trends of Federalism in Theory and Practice. New York. 1968. P. 173.

²¹ См.: Lijphart A. Non-Majoritarian Democracy : a Comparison of Federal and Consociational Theories // Publius : The Journal of Federalism. 1985. vol. 15, № 2. P. 4–5.

¹⁸ Elazar D. Exploring Federalism. 1998. P. 167.

¹⁹ См. : Where K. Federal Government. — L.: Oxford University Press. 1963. P. 10.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Опыт федерализма / Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова. М., 1994. 318 с.
2. Задарновский Б.Б. Национальная политика в Российской Федерации / Б.Б. Задарновский. М., 1993. 180 с.
3. Карапетян Л.М. К вопросу о «моделях федерализма» (критический обзор некоторых публикаций) / Л.М. Карапетян // Государство и право. 1996. № 12. С 53–65.
4. Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричности федерации / Э.В. Тадевосян // Государство и право. 1997. № 8. С. 58–68.
5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: дисс... д-ра юрид. наук / И.А. Умнова. М., 1997. 398 с.
6. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма / И.А. Умнова. М., 1998. 280 с.
7. Фарукшину М.Х. Современный федерализм. Российский и зарубежный опыт / М.Х. Фарукшину. Казань, 1998. 334 с.

References

1. Duchacek J.D. Perforated Sovereignties : Toward a Typology of New Actors in International Relations / J.D. Duchacek // Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units. L. : Clarendon Press, 1990.
  2. Elazar D. Exploring Federalism / Daniel J. Elazar. 1998.
  3. Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace / Daniel J. Elazar. Institute of integovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 5.
  4. Frenkel M. Federal Theory / M. Frenkel. Canberra, 1986.
  5. Friedrich C.J. Trends of Federalism in Theory and Practice / C.J. Friedrich. New York. 1968.
  6. Johnson C.O. Government in the United States / Johnson C.O. Johnson. N.V., 1956.
  7. Koellereutter O. Deutsches Staatsrecht / O. Koellereutter. Stuttgart Koin, 1953.
  8. Lijphart A. Non-Majoritarian Democracy : a Comparison of Federal and Consociational Theories / A. Lijphart // Publius : The Journal of Federalism. 1985. Vol. 15. № 2. P. 4–5.
  9. Raoul Berger. Federalism : The Founders' Design / Berger Raoul. Norman : University of Oklahoma Press, 1987.
  10. Redish M.H. The Constitution as Political Structure / M.H. Redish. N.-V.: Oxford University Press, 1995. P. 25.
  11. Simeon R., Swinton K. Introduction : Rethinking Federalism in a Changing World / R. Simeon, K. Swinton // Rethinking Federalism : Citizens, Markets and Government in a Changing World. Vancouver : UBC PRESS, 1995. P. 4.
  12. Wheare K. Federal Government / K. Wheare. L. : Oxford University Press. 1963.
  13. Whiltshire K. Planning and Federalism : Australian and Canadian Experience / K. Whiltshire. Queensland : University of Queensland Press, 1986.
-

Исторические предпосылки формирования российского уголовного законодательства об ответственности за детскую преступность в дореволюционный период

*Сулейманова Инна Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
innasuleymanova@mail.ru*

Рассматриваются особенности становления уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними и в отношении них, с древнейших времен до Октябрьской революции 1917 г. Делается вывод о том, что исторические периоды развития уголовного законодательства об ответственности за детскую преступность зеркально отражали периоды становления и развития российской государственности. В древнерусских источниках права должного внимания защите прав и законных интересов несовершеннолетних не уделялось. Первые упоминания о законодательной защите ребенка появились лишь в середине XVI в. и дальнейшее развитие получили в XIX в., с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Ключевые слова: источник права, несовершеннолетний, наказание, детская преступность, интересы детей.

Historical Prerequisites to Establishment of Russian Criminal Legislation on Liability for Juvenile Crime in Pre-Revolutionary Period

Suleymanova Inna E.,

Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines

of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Candidate of Legal Sciences

The peculiarities of the formation of criminal legislation on responsibility for crimes committed by minors and against them from the earliest times to 1917 the Great October Revolution. The conclusion is that the historical periods of development of criminal legislation on responsibility for juvenile delinquency mirror the formation and development of Russian statehood. In ancient sources of law due attention to protecting the rights and legitimate interests of minors has not been given. The first mention of the legal protection of the child appeared only in the middle of the XVI century and further developed in the XIX century, with the adoption of the Penal Code and Criminal Corrections 1845.

Key words: *source of law, minor, punishment, juvenile delinquency, children's interests.*

Формирование уголовного законодательства об ответственности за детскую преступность в истории России происходило крайне медленно. Исторические периоды развития законодательства об ответственности за преступную деятельность несовершеннолетних зеркально отражали периоды становления и развития российской государственности.

Так, в VII–IX вв. наблюдается активный процесс формирования государственного права. Наиболее древними источниками права в этот период являлись обычаи¹. Впервые правовые обычаи были запечатлены в Повести временных лет, в которой говорилось, что восточнославянские племена «сами творят себе закон».

Образование Древнерусского государства предопределило появление феодального права. В первых юридических документах (договор Олега с греками 2 сентября 912 года, русско-византийский договор Игоря с греками 945 г., Устав князя Владимира Святославовича, Изборник 1076 г. Святослава Ярославовича, Русская Правда) не содержалось положений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или в отношении них, а имелось лишь общее представление о преступлении и наказании.

Первые упоминания о детях появились в Великой Ясе Золотой Орды XIII–XIV вв. в контексте замены основного вида наказания аль-

тернативным. В статье 29 Великой Ясы отмечалось, что в случае невозможности уплаты штрафа за кражу допускается рабство детей². Вместе с тем следует отметить, что монгольское право не оказало существенного влияния на становление русского уголовного законодательства. Г.Ю. Лесников справедливо отмечает, что завоеватели не коснулись ни обычаев, ни религии страны, а только определили формы отношений, в которых должно находиться российское общество³.

Изученные памятники права свидетельствуют о том, что дети в период становления древнерусского государства были уделом семьи, а их воспитание основывалось на нормах морали и традициях, устоявшихся в семье. На законодательном уровне защита прав ребенка в качестве объекта уголовно-правовой охраны не обеспечивалась.

Политические процессы, произошедшие в государстве, не могли не повлиять на развитие права. После принятия христианства церковная власть стала бороться с языческими проявлениями в сфере семейно-брачных отношений. В Уставе Ярослава появились нормы об ответственности за преступления против семьи и нравственности. С крайней осторожностью мы можем говорить о появлении преступлений против половой свободы несо-

¹ «Первым по объему и важности источником (ея) является обычное право. Такие институты, как месть, выкуп, суд послуховь... у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя; это самые древние институты обычного права».

² Цечоев В.К., Власов В.И., Степанов О.В. История отечественного государства и права: учебное пособие. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 241.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко (автор раздела Г.Ю. Лесников). М.: Юрлитинформ, 2016. С. 10.

вершеннолетних, объектом охраны которых выступали семейные отношения. Среди статей Устава Ярослава особый интерес представляют нормы об ответственности за пошибание (изнасилование) боярских жен и дочерей. Наказание за данное преступление назначалось в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию. Например, за изнасилование боярской дочери взыскивалось в пользу пострадавшей и епископа 5 гривен золота, за изнасилование дочерей меньших бояр — гривна золота, а за изнасилование дочерей добрых людей — 5 гривен серебра⁴.

Вместе с тем в период правления Ярослава Мудрого государством осознается потребность в снижении уровня сирот. В этот период создается первое училище для юношей из числа подкидышей и незаконнорожденных, рассчитанное на 300 мест.

Таким образом, *несмотря на отсутствие выработанной системы уголовно-правовой защиты несовершеннолетних, государством начиная с XI в. проводятся первые меры профилактического характера, направленные на предупреждение детской преступности путем снижения уровня беспризорных вследствие помещения их в сиротские дома.*

С объединением русского государства был издан Судебник Ивана III 1497 г., который объединил уголовно-правовые нормы для всего государства. Д.Я. Самоквасов справедливо отметил, что «Судебник является логическим последствием территориального объединения Руси и выразил собою первую попытку законодательной централизации»⁵. В его содержание вошли статьи из Русской Правды, постановления вечаемого законодательства и уставных грамот, однако нормы об ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними или в отношении них, Судебник также не включил.

Упоминания о несовершеннолетних мы находим в следующем источнике права, принятом после Судебника Ивана III, — в Судебнике Ивана IV (1550 г.), в статье⁷⁶ которого определялось правовое положение детей, рожденных до того, как их родители стали холопами или поступили на службу без оформления докладных. Устанавливалось, что такие дети не становятся холопами с момента своего рождения. Кроме того, согласно статье 81

Судебника детей было запрещено принимать в холопы⁶.

Дальнейшее развитие законодательства в сфере обеспечения прав и законных интересов детей прослеживается в решениях Земских Соборов. Следует признать, что правовые интересы детей к середине XVI в. в основном были отражены в церковно-гражданском праве, нежели в уголовном. Например, в «Стоглавом Соборе» 1551 г. устанавливался брачный возраст для юношей и девушек (15 и 12 лет). Нами отмечалось, что генезис уголовного права неразрывно связан с развитием общества и государства. Особенно это прослеживается в середине XVII в., когда поместное дворянство выражало недовольство по вопросу крепостного права. Кроме того, недовольство проявлялось и в массовых выступлениях иных групп феодалов. После подавления «Соляного бунта» в 1648 г. был созван Земский собор, на котором было принято решение о разработке нового свода законов, получившего впоследствии название Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г.

Отметим, что Уложение 1649 г. содержало единственную норму, обеспечивающую уголовно-правовую защиту жизни ребенка. Иных упоминаний в данном источнике права о преступлениях, совершаемых в отношении детей, либо совершаемых самими несовершеннолетними, мы не находим. Кроме того, указанная норма об ответственности за убийство ребенка относилась к привилегированным видам убийства. Это позволяет сделать вывод о том, что *уголовная политика государства в конце XVII в. всецело была направлена на защиту интересов государственной власти, а права и законные интересы детей в указанный период должным образом не защищались.*

Начало XVIII в. связано с новой эпохой в развитии русской правовой культуры. Реформы Петра I отразились на всех сторонах общественной жизни и не могли не затронуть законодательную деятельность.

Петр I во многом изменил прежнюю систему преступлений и наказаний. Артикул воинский 1715 г.⁷, разделенный на 24 главы и 209 статей (артикулов), содержал только нормы уголовного права и фактически представлял собой военный уголовный кодекс. Вместе с тем Д.Я. Самоквасов справедливо заметил, что воинский устав имел значение не только для

⁴ См.: Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Серия «Учебники, учебные пособия». Ростов н/Д: «Феникс», 2003. С. 390.

⁵ Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М.: Типография Императорского Московского Университета. 1804. С. 422.

⁶ Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 346–373.

⁷ Воинский артикул редактировался лично императором, что доказывалось замечаниями и пометками Петра I на сохранившейся рукописи.

военных, но и для людей других состояний, поскольку был разослан по губернским канцеляриям, губернаторам, воеводам и другим администраторам и судьям для руководства в судах гражданских и во всех сомнительных случаях⁸.

Так, в 105 статье отражено, что за преступления против детей, стариков и священников предусматривалось наказание в виде смертной казни⁹. В этот период появляются и первые свидетельства о привлечении лиц к уголовной ответственности за преступления, посягающие на жизнь (статья 163)¹⁰, половую свободу и нравственное развитие несовершеннолетних (статья 166)¹¹. Убийство малолетнего ребенка рассматривалось в Артикуле воинском как квалифицированный вид убийства и наказывалось колесованием (тогда как другие случаи убийства — отсечением головы мечом).

Кроме того, в Артикуле воинском предусматривалась уголовная ответственность несовершеннолетних за преступления против собственности. Например, статья 195 предусматривал ответственность малолетних за воровство¹².

Что касается наказаний, применяемых к несовершеннолетним, то к детям от 7 до 10 лет применялись более мягкие наказания, с 15-летнего возраста применялись все виды наказаний, за исключением смертной казни, а с 17 лет без ограничения применялась смертная казнь.

Сказанное свидетельствует о том, что в период правления Петра I:

1) права и законные интересы детей получили законодательную защиту, а общественные отношения в сфере обеспечения жизни, здоровья и нравственного развития детей выделены в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны;

⁸ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 578.

⁹ «Также имеет женский пол, младенцы, священники и старья люди пощажены быть, и отнюдь не убиты ниже обижены (разве что инако от фельтмаршала приказано будет) под смертную казнию».

¹⁰ «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать».

¹¹ «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует, оные яко в прежнем артикуле помянуто, имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылакою наказать».

¹² «Наказание за воровство обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели ...вор будет младенец, который, дабы заранее его от сего отучить, может от родителей своих лозами наказан быть».

2) малолетство признавалось как обстоятельство, смягчающее или устраняющее наказание;

3) несовершеннолетний стал рассматриваться в уголовном законодательстве не только в качестве потерпевшего от преступления, но и как субъект преступного посягательства.

Следующий значимый этап развития уголовного законодательства об ответственности за детскую преступность начинается с XIX в. Изучение процесса внутреннего развития права в указанный период представляется крайне важным для уяснения общего подхода к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Соборное Уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г. оставались основными источниками российского уголовного права вплоть до 1835 г. В эпоху Петра I наряду с указанными нормативно-правовыми актами, существовали и другие законодательные акты, регулирующие уголовные правоотношения и зачастую противоречащие Соборному Уложению и Артикулу воинскому. Многозаконие расшатывало правовой порядок в государстве, как справедливо отмечал П.П. Пусторослев, сильно затрудняло отправление уголовного правосудия и открывало широкий простор судейскому произволу, проникнутому своекорыстием и лицепрятием¹³. По этой причине стала формироваться комиссия по разработке нового уголовного свода законов, деятельность которой завершилась принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение представляло собой первый крупный систематизированный уголовно-правовой акт, включающий 12 разделов и приложения «О лицах, изъятых от наказаний телесных». В уложении содержалось два раздела, предусматривающих нормы об ответственности за преступления против несовершеннолетних.

В разделе VIII «О преступлениях против общественного устройства и благополучия» содержалась глава 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества», регламентирующая нормы об ответственности за самовольное учреждение учебного или воспитательного заведения (статья 1319), за уклонение от выполнения решения о закрытии учебного заведения (статья 1320), за обучение детей без надлежащего свидетельства о необ-

¹³ Пусторослев П.П. Программа лекций по общей части русского уголовного права с кратким изложением некоторых понятий и объяснений. Вып. 1 : Введение. Источники уголовного права. Юрьев, 1904. С. 100.

ходимых на то знаниях (часть 1 статьи 1321) и за допуск таких лиц к педагогической деятельности родителями, родственниками, опекунами, содержателями училищ и пансионов (часть 2 статьи 1321). Указанные деяния относились к уголовным проступкам, за которые предусматривалось наказание в виде штрафа. Исходя из описанных норм, можно заключить, что государство было обеспокоено как воспитанием детей, так и организацией самого процесса обучения.

В разделе XI «О преступлениях против прав семейных» нормы об ответственности за преступления против несовершеннолетних содержались в нескольких главах: в главе II «О нарушениях прав и обязанностей родителей в отношении детей или наоборот» и в главе IV «О злоупотреблении властью опекунов и попечителей». В главе II злоупотребление родительской властью регламентировалось статьями 2078 (принуждение детей к браку и пострижению в монашество), 2079 (вовлечение своих детей в преступление), 2080 (развращение нравственности детей и потворстве их разврату), 2082 (присвоение или растрата принадлежащего детям имущества). В главе IV были сосредоточены схожие нормы об ответственности за злоупотребление властью над детьми со стороны опекунов и попечителей (статьи 2091–2093).

Таким образом, власть родителей, опекунов и попечителей над детьми с середины XIX в. ограничивается органами государственной власти. Власть указанных лиц над детьми уже не является абсолютной, а превышение ее пределов рассматривается как преступление, наказуемое уголовным законом.

Несколько позже, в 1912 г., в уложение были введены положения, обеспечивающие защиту прав несовершеннолетних на образо-

вание. Статья 1404.1 предусматривала штраф в размере 100 рублей для владельцев фабрик, заводов и иных предприятий, ограничивающих право работающих малолетних, посещать образовательные учреждения в течение установленного законом времени.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., несмотря на казуистичность построения норм, просуществовало вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 г. Следующим нормативным актом стал первый социалистический Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

Подводя общий итог развития законодательства об ответственности за детскую преступность в XIX в., необходимо отметить развитие следующих тенденций:

1) складывается представление об общем объекте преступления (интересы государственной власти, безопасность и интересы общества, права и законные интересы личности);

2) криминализируются деяния, объектом которых являются права и законные интересы несовершеннолетних;

3) происходит ограничение родительской власти (власти опекунов и попечителей) над детьми, которая ранее была абсолютной и регламентируются нормы об ответственности за злоупотребление родительской властью;

4) устанавливается дифференциация уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних: разграничивается возраст несовершеннолетних, который, с одной стороны, является обстоятельством, смягчающим наказание (в случае совершения преступлений несовершеннолетними), а с другой — обстоятельством, отягчающим наказание (в случае совершения преступлений против несовершеннолетних).

Литература:

1. Пусторослев П.П. Программа лекций по общей части русского уголовного права с кратким изложением некоторых понятий и объяснений. Вып. 1 : Введение. Источники уголовного права / П.П. Пусторослев. Юрьев, 1904. 455 с.
2. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. М. : Типография Императорского Московского Университета, 1804. 616 с.
3. Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. 527 с.
4. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко (автор раздела Г.Ю. Лесников). М. : Юрлитинформ, 2016. 712 с.
5. Цечоев В.К. История отечественного государства и права / В.К. Цечоев, В.И. Власов, О.В. Степанов. М. : ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2003. 480 с.
6. Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Серия «Учебники, учебные пособия» / С.В. Юшков. Ростов н/Д : «Феникс», 2003. 736 с.

О юридическом аспекте условий и предпосылок революции 1917 г.

*Насыров Рафаил Валейзянович,
доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
nasirov.rafail@yandex.ru*

В статье ставится вопрос о юридическом аспекте условий и предпосылок революции 1917 г. Обосновывается различие правового и юридического сознания. Констатируется дефицит в российском сознании юридического чувства как установки на строгое соблюдение процедуры разрешения социальных конфликтов. Незрелость российского правосознания проявляется в ложном противопоставлении законности и справедливости. Раскрываются негативные последствия судебной реформы 1864 г., которая носила скорее политический характер и не способствовала возникновению установки на достижение социального компромисса. Отмечены негативные результаты развития российской правовой культуры в направлении восприятия и компиляции западноевропейского права. Этот процесс вызывал в российском обществе обратную реакцию отрицания формального права вообще и способствовал развитию юридического нигилизма. Не было должного внимания к собственной правовой культуре и особенностям российского правосознания.

Ключевые слова: революция, правовое сознание, юридическое сознание, Судебная реформа 1864 г., большевизм.

On Judicial Aspect of Conditions and Prerequisites of the 1917 Revolution

*Nasyrov Rafail V.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Faculty of the Altai State University
Candidate of Legal Sciences*

The article raises the question on the legal aspect of the conditions and background of the Revolution of 1917. Further the article substantiates the difference between justice consciousness and legal consciousness and states deficiency in legal feeling in Russian consciousness as an aim at strict adherence to a procedure of social conflict resolution. Immaturity of Russian justice consciousness finds expression in the false opposition between lawfulness and justice. The article reveals negative consequences of the Judicial Reform of 1864 which had rather political nature and did not contribute to the aim at achieving a social compromise. The article also draws attention to negative results of development of the Russian legal culture in the sphere of perception and compilation of the Western European Law. This process caused a backlash in the Russian society expressed in general denial of formal law and contributed to development of legal nihilism. The Russian own legal culture and special aspects of Russian justice consciousness were not paid due attention.

Key words: revolution, justice consciousness, legal consciousness, Judicial Reform of 1864, Bolshevism.

В истории вообще, а в русской особенно стоит избегать упрощенных суждений и оценок в стиле «белое — черное». Так, Н.А. Бердяев называл русский народ самым государственным и одновременно самым безгосударственным, исходя из того, что однозначными и непротиворечивыми формулировками адекватно охарактеризовать отечественный национальный

характер невозможно: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей»¹. Пытаясь понять, почему именно большевики пришли к власти в 1917 г., необходимо

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. М.: Эксмо, 2009. С. 437–438.

учитывать следующий амбивалентный архетип отечественного политико-правового сознания. С одной стороны, существует убежденность в том, что Россия не может существовать без «грозы», то есть сильной государственной власти; в этом проявляется склонность не к тоталитаризму, а к настроенному, но смиренному приятию оправданного и конструктивного авторитаризма, а с другой — всегда существует стремление к вольнице, к жизни без государства. Вполне возможно совмещение этих модусов российского сознания и бытия с выделением сфер «государева и земского дел» и установлением постоянного и, возможно, иногда противоречивого диалога между их представителями.

Но для достижения такого состояния общественной жизни необходимо установление строго соблюдаемой формы диалога. Но Н.О. Лосский отметил такую черту русского бытия, как «недостаток средней области культуры»: «Воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека, обыкновенно, не имеет строго выработанного содержания и формы»². Сказанное означает, что в российском национальном сознании нет дефицита правового чувства, то есть установок на справедливость и милосердие, но до сих пор не сформировалось юридическое чувство, поэтому целесообразно различать и не смешивать правовое и юридическое сознание.

Фундаментальной проблемой российского правосознания выступает отсутствие в его ценностно-нормативной системе конструктивно-дифференцированного сочетания, с одной стороны, обладающего инструментально-относительной ценностью закона (позитивного права), и, с другой стороны, более высоких начал правды и милосердия, призванных определять само содержание общественной жизни. Более того, существует острое осознание и ощущение того, что высшие ценности подвергаются профанации, если они непосредственно обеспечены и реализованы формально-юридическими средствами. Незрелость российского правосознания проявляется в том, что истинная по содержанию убежденность «законно — это еще не означает справедливо и нравственно» приводит к общему и ложному противопоставлению «или по закону, или по совести», что ярко проявилось в отрицательном отношении Л.Н. Толстого к формальному праву: «Этическое воспитательное значение «права»! Ведь это ужасно. Главная причина безнравствен-

ности людей нашего христианского мира — это тот ужасный обман, который называется «правом», а они говорят о воспитательном значении «права»»³.

Поэтому в комплекс причин и условий, которые привели к катастрофе 1917 г., необходимо включить тот факт, что, по словам Б.А. Кистяковского, «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности»⁴. Возникшая с начала XVIII в. общая установка развивать российскую правовую культуру в направлении восприятия (а часто и просто компиляции) западноевропейского права вызвала в российском обществе обратную реакцию отрицания формального права вообще и отчасти способствовала развитию юридического нигилизма. Причина неуважения к формальному праву не в том, что не хватало воли и решимости скопировать иноземное право, а в том, что не было внимания к собственной правовой культуре.

Право и юридическая наука и сейчас воспринимаются в России не как явления, постепенно и естественно вырастающие из потребностей самой общественной жизни, а как результат заимствования и искусственного формирования. Важно уяснить, что формирование институтов западноевропейского права определялось особенностями этой цивилизации и происходило эволюционно, в унисон с переживаемыми этапами ее развития. Но попытки «озапаdnить» российское право носили искусственный характер, что и предопределило низкий уровень правовой культуры. Важнейшим и наиболее точным критерием оценки правовой культуры является достигнутый уровень самоидентификации и самореализации в сфере права.

С учетом сказанного и можно понять, как до катастрофы 1917 г. был вылеплен и покатылся «снежок», превратившийся в огромный «снежный ком», который и смел традиционную Россию. Не все, но многие реформы второй половины XIX — начала XX в. не решали, а усложняли ситуацию. Попытаемся ответить на вопрос, почему прогрессивная Судебная реформа 1864 г. не способствовала воспитанию юридического сознания в российском обществе? Более того, если сложить все ее позитивные и негативные последствия, то она не способствовала предотвращению взрыва юридического нигилизма 1917 г.

² Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: «ДАРЪ», 2005. С. 258, 259.

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 38. М.: Художественная литература, 1936. С. 54.

⁴ Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М.: «Молодая гвардия», 1991. С. 110.

Назначение судебной власти в разрешении неизбежных в обществе конфликтов в легальной и мирной форме, в достижении компромисса, в том числе, между властью и обществом. Важно, чтобы суд находился вне политики и твердо воспитывал в обществе юридическое начало, в основе которого должна быть убежденность в том, что «если даже точка зрения справедлива и нравственна, то должно ее отстаивать и реализовывать в рамках установленной процедуры и не допускать самосуда». Но приходится признать, что судебная реформа Александра II 1864 г. не столько сформировала пространство достижения социального компромисса, сколько превратила зал судебного заседания в арену политической борьбы.

Вспомним знаменитое дело Веры Засулич 1878 г., решение по которому является примером отсутствия чувства меры в российском общественном сознании. Несомненно, поведение градоначальника Ф.Ф. Трепова было основанием предельно возможного смягчения приговора, но не оправдания террористки. Примечательно, что этому оправдательному приговору, который был не торжеством правосудия, а его пародией, одинаково восторженно аплодировали как социалисты, так и либералы. В меньшинстве были те, кто пророчески восприняли это решение суда как «проявление революционных страстей и начавшееся разложение государственного порядка»⁵, то есть немногие осознали, что «снежный ком» революции уже покатылся.

Очевидно, что в содержании судебной реформы 1864 г. и в методе ее проведения много было предопределено взглядом в Западную Европу, идеологическим стремлением сделать «так, как у них», при этом было смутное представление о реальном функционировании их судебной системы. Так, в соответствии с действовавшими в это время во Франции Уголовного кодекса 1810 г. и Уголовно-процессуального кодекса 1808 г. невозможно даже представить, чтобы Вере Засулич был вынесен оправдательный приговор; скорее всего террористка была бы публично гильотинирована, что было невозможно в нашей стране. В России XIX в. смертная казнь применялась значительно реже, чем в большинстве стран Европы, а публичные казни были вообще отменены. Но проблема в том, что в оправдательном приговоре по делу В. Засулич проявилось не столько христианское милосердие, сколько поверхностно, шиворот-навыворот воспринятые либеральные идеи.

Еще в 1868 г. Ф.М. Достоевский в письме А.Н. Майкову написал о первых результатах деятельности суда присяжных в России: «Мне кажется, в этой гуманности с преступником еще много книжного, либерального, несамостоятельного»⁶. А в 1873 г. писатель уже с тревогой пишет о том, что суд присяжных пользуется своей властью «почти через край, но в какую-то одну сторону, сентиментальную, что ли»⁷. Обратим внимание, что Ф.М. Достоевский констатирует принимающую уродливый вид смесь рационально-прагматичных, поверхностно воспринятых со стороны идей и русской эмоциональности и пафосности. Назначение коллегии присяжных — выносить вердикт о виновности или невиновности подсудимого, и другой вопрос — о помиловании, и оправданно то, что это должно быть полномочием верховной власти. Положительное качество русского менталитета, носителем которого должен быть и глава государства с его правом на помилование — установка на милосердие — стала проявляться в неконструктивной, а скорее в разрушительной форме.

Негативные последствия судебной реформы 1864 г. очевидны, и активно обсуждаемые в прессе в позитивном духе регулярные оправдательные приговоры по делам об убийствах формировали установку, что если жертва убийства плоха, а убийца хороший человек, то его необходимо оправдать. Это логическое умозаключение и было применено в отношении царя как воплощение всей государственной власти, а революция воспринималась не как акт самообороны, а как акт допустимого самосуда. Кроме игнорирования установленной формы и процедуры социального диалога также характерной чертой неразвитого юридического сознания выступает, условно говоря, «смещение личности и должности». С этой точки зрения то, что произошло в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., было лишь итогом и завершающим актом этой длящейся несколько десятилетий драмы по дискредитации не просто личности Николая Романова и его семьи, а в целом самодержавной власти, и участвовали в этом не только большевики, а почти вся русская интеллигенция. Голоса тех, кто указывал на то, какая опасность накатывается на страну, не были слышны в этом общем либерально-социалистическом гуле однозначной критики самодержавия и отрицания возможности его эволюционного преобразования.

⁵ См.: Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 361.

⁶ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. С. 349.

⁷ Достоевский Ф.М. Политическое завещание: сборник статей за 1861–1881 гг. М.: Алгоритм, 2006. С.87.

Указания на то, что революция была бы предотвращена, если бы либеральные реформы проводились более последовательно, носят поверхностный характер. Так, после своего оправдания в 1878 г. террористка Вера Засулич не отказалась от цели полного уничтожения той власти, судебная ветвь которой вынесла столь мягкий, а по юридическим меркам абсурдный приговор. Для объективного восприятия истоков революции 1917 г. необходимо увидеть то, что это был за тип людей — русские революционеры. Они были носителями вывернутого наизнанку религиозно-сектантского максимализма и не воспринимали реформы Александра II или Николая II по установлению в России свобод и конституционной монархии как подтверждение того, что власть стремится к компромиссу и ожидает от радикалов встречных шагов. Скорее наоборот — у революционеров возрастала решимость еще более последовательно уничтожить власть, которая столь мягко им противостоит.

Объективный взгляд на ситуацию, которая сложилась в России в марте 1917 г., предполагает признание того, что революция может завершиться или окончательным развалом страны, или установлением в той или иной форме сильной авторитарной власти. Используя понятия теории синергетики, мы можем утверждать, что страна оказалась в состоянии бифуркации: «Зона бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью: неизбежно, станет ли развитие системы хаотическим или родится новая, более упорядоченная структура. Исход процесса решает конкретное определяемое в данный момент соотношение действий источников и истоков, усиливающих или, наоборот, разрывающих неоднородности в системе»⁸. Примечательно, что термин «бифуркация» в переводе с латинского означает «раздвоение», то есть с точки зрения указанных двух характеристик российского бытия (государственность и безгосударственность) революция была результатом прекращения процесса сочетания «государева и земского дел». В итоге, эти стороны социального бытия проявились как бы автономно в доведенной до крайности форме: в начале взрыв безгосударственности и анархии, за которым из естественного стремления к самосохранению должен был наступить этап преодоления хаоса в соответствии с горькой, но неизбежной истиной — «Худой мир лучше доброй войны».

В синергетике состояние относительно порядка определяется термином «аттрактор» (в переводе с древнегреческого «спокой-

ствие», «невозмутимость»). Для развитого политического и правового сознания характерно восприятие носителей государственной власти как субъектов, «выдвинутых во зло», то есть берущих на себя тяжкое бремя выбора и деяния. Этому представлению соответствует описание аттрактора в синергетике: «В таком состоянии малые возмущения автоматически подавляются, аттрактор «притягивает» к себе отклонения»⁹. Понятие аттрактора вполне адекватно определению охранительной функции государства по обеспечению законности и правопорядка. Но в период революции амплитуда колебаний возмущений и отклонений таковы, что для выхода из состояния социального хаоса государство неизбежно должно применять соответствующие чрезвычайные меры. К тому же большевики как западники и, соответственно, носители секуляризованного политического мышления не воспринимали взятую ими в руки власть в христианском смысле, как бремя с соответствующей тревогой — как бы не выйти за пределы вынужденного насилия. Механизм государства был разрушен и начинает проявляться абстрактный и волюнтаристский вектор восстановления порядка на основе общих установок — «Цель оправдывает средства» и «Лес рубят, щепки летят». Пытаясь объективно усвоить горький урок революции 1917 г., стоит признать, что катастрофа уже произошла в феврале, а в октябре большевики сумели воспользоваться сложившейся ситуацией и взять в руки меч государства.

В период 1918–1922 гг. в России с точки зрения, образно говоря, «химии» политических процессов возник предельно насыщенный «раствор» гражданской войны, в котором неизбежно должна была начаться «кристаллизация» новой государственной власти вокруг того или иного центра. В такой ситуации определяющую роль играет способность к политической сплоченности и мобильности. Примечательно следующее признание П.Н. Милюкова: «Это внутреннее противоречие продолжало существовать на всем протяжении существования Временного правительства. От него были свободны и внутренне последовательны только большевики»¹⁰. Как известно, сам В.И. Ленин называл «триумфальное шествие Советской власти» и победу своей партии в гражданской войне «историческим чудом». Это свидетельствует о свойственном значительной части русской интеллигенции отрыве от народа. Победа

⁸ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб. : «Лань», 1999. С. 19.

⁹ Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 505.

¹⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М. : Политиздат, 1991. С. 471.

большевиков объясняется целым комплексом факторов, среди которых большое значение имело и проявление указанного в начале статьи такого архетипа российского правосознания, как убежденность в необходимости «грозы», сильной государственной власти. В 1924 г. Н. Бердяев писал: «Советская власть оказалась единственно возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев»¹¹.

События 90-х гг. XX в. вновь подтвердили тот факт, что в отечественном правосозна-

нии — обыденном, доктринальном, политическом — еще не утвердилась принципиальная установка на диалог и не определены его юридические формы, адекватные российскому обществу, его историческому опыту. Россия в силу своего цивилизационного облика объективно «обречена» на диалогическую форму общественной жизни и при этом до сих пор не смогла ее выработать, так как ясно не осознала эту сверхзадачу и находилась во власти ложных идеологических антиномий. Утверждение принципиальной и постоянной установки на диалог и компромисс с соблюдением юридических форм его ведения и будет означать действительное преодоление большевизма как стиля мышления и политического поведения.

¹¹ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М. : «Феникс», 1991. С. 42.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея / Н.А. Бердяев. М. : Эксмо, 2009. 704 с.
2. Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев. М. : «Феникс», 1991. 81 с.
3. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В.В. Василькова. СПб. : «Лань», 1999. 480 с.
4. Достоевский Ф.М. Политическое завещание: Сборник статей за 1861-1881 гг. / Ф.М. Достоевский. М. : Алгоритм, 2006. 480 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах / Ф.М. Достоевский. СПб. : Наука, 1996. 8580 с.
6. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Б.А. Кистяковский // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М. : «Молодая гвардия», 1991. 462 с.
7. Кони А.Ф. Избранное / А.Ф. Кони. М. : Советская Россия, 1989. 496 с.
8. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. М. : «ДАРЪ», 2005. 335 с.
9. Милюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. М. : Политиздат, 1991. 528 с.
10. Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. 731 с.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 38 / Л.Н. Толстой. М. : Художественная литература, 1936. 620 с.

Исправление осуждённых как цель уголовной политики в области исполнения наказаний в странах Западной Европы и США в конце XIX — начале XX в.

*Маюров Павел Николаевич,
аспирант 1 курса юридического факультета
кафедры теории истории государства и права
Межрегионального института экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС
maurov2010@mail.ru*

В статье рассматривается проблематика особенностей уголовной политики государств Западной Европы и США XIX в. в области работы учреждений системы исполнения наказаний. Изучаются вопросы исправления осуждённых как одной из важнейших целей уголовного наказания. В данной работе проводится анализ различных систем исполнения наказаний и мероприятий, связанных с обеспечением исправления лиц, осуждённых за совершение преступлений. Изучается эволюция подходов к исправлению осуждённых.

Ключевые слова: досрочное освобождение, исправление осуждённых, каторжные работы, осуждённый, пенитенциарная система, уголовное наказание, наказание в виде ссылки, страны Европы XIX в.

Correction of Convicts as Aim of Criminal Policy in Punishment Execution in Western European Countries and the USA in Late XIX — Early XX Century

*Mayurov Pavel N.,
1st year Postgraduate Student of the Law Faculty
of the Department of Theory and History of State and Law
of the Interregional Institute of Economics and Law
associated with Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC*

The article considers the problems of peculiarities of criminal policy of the States of Western Europe and the United States of the nineteenth century in the field of work of the enterprises of the penitentiary system. A study of prisoners as one of the major goals of criminal punishment. The article analyzes the various systems of execution of punishments and measures related to the provision of prisoners for crimes committed. We study the evolution of approaches to the rehabilitation of offenders.

Key words: parole, correction of convicts, forced labor, convict, prison system, criminal punishment, punishment in the form of an exile, Europe of the XIX century.

Пенитенциарная система включает в себя совокупность всех правовых и организационных мероприятий, которые осуществляются в рамках работы системы организаций исполнения наказаний с целями кары, восстановления социальной справедливости, частной и общей превенции, возмездия и исправления осуждённых лиц. Использование труда осуждённых и конфискация их имущества и имущества членов семьи также являлись важными задачами уголовной политики, но уже в форме исполнения фискальной функции органов государственной власти. В уголовной политике всегда соединя-

лись задачи восстановления гармонии в общественных отношениях, возмездия и устрашения, корыстные мотивы наполнения казны и возмещение вреда потерпевшим, утверждение норм гуманизма и демонстрация справедливости и др. На протяжении веков значение применяемых наказаний, их виды и цели изменялись¹.

Постепенно цель исправления осуждённых занимает одно из определяющих мест наряду

¹ Shaw B. The crime of imprisonment / By George Bernard Shaw; Ill. by William Gropper. New York : Philosophical library, Cop.1946. P 34.

с предупреждением совершения новых преступлений. Постановка задачи исправления осуждённого не нова для XIX в. Она реализовывалась в рамках работы системы юстиции и в условиях Средневековья. Но до XVII–XVIII вв. речь главным образом шла об искуплении вины в результате понесённого наказания. Нормы христианской религии однозначно трактовали кару, применяемую по решению светских властей, как неизбежную и гуманную меру, необходимую для искупления вины за совершенное преступление, — как искупление греха, совершённого человеком в результате преступной деятельности. Помочь в искуплении греха — это долг и задача светских и духовных властей. Парадоксальным образом существовала концепция о том, что чем более строгим являлось наказание, тем от больших мук освобождался человек в своей загробной жизни («аутодафе», казнь без пролития крови). Многие лица, осуждённые за преступления против нравственности, ереси, государственную измену, часто действительно заслуживали квалифицированной смертной казни или иных тяжких уголовных наказаний. В этой связи исправление осуждённого при его жизни не могло играть решающей роли.

Но в эпоху Нового времени гуманизация наказаний и больший подход к их рациональности на первый план ставят задачи исправления осуждённого и постепенное его возвращение к законопослушной жизни. Четвергование, потрошение и другие подобные меры наказания, которые были характерны для законодательства стран Европы в XVIII в., в частности Великобритании («публичное потрошение с последующим анатомирванием»), уже не могли применяться в XIX в. в силу противоречия нормам общественной морали и нравственности. Жизнь преступника постепенно начинает сохраняться, на первое место выходит возможность экономического использования его труда². Но указание на фискальную цель как важнейшую цель наказания было невозможно. Узаконить обращение полноправных граждан (подданных) в рабов законодатели XIX в. уже не могли. Подобная мера в большей степени характерна для Древнего мира и раннего Средневековья, а не для буржуазного общества. Кроме того, фактическое превращение свободных людей в рабов и иных лиц, находящихся в правовой зависимости, процветало в колониальных владениях. Но и там оно лицемерно облакалось в юридические формы, не упоминавшие терминов рабства³.

Использование труда заключённых должно иметь своей главной целью их исправле-

ние и возвращение к законопослушной жизни. Жизнь заключённого должна как можно дольше сохраняться для извлечения экономической выгоды, и система наказаний, соответственно, должна отличаться некоторой степенью гуманизма. Кроме того, действительное приобщение лиц к труду представляет важную роль в исправлении осуждённого. Гуманное отношение, «премия» в виде досрочного освобождения или даже получения материальной выгоды имеет значение. При этом в XIX в. в европейских странах развивается система рабочих домов, в которых начинают принудительно трудиться люди, которые ранее могли рассчитывать на социальную помощь от государства, церкви и общества. Следует отметить, что вопрос об исправлении осуждённого может быть поднят только в условиях, в которых государство в течение определённого промежутка времени, измеряемого годами, могло содержать осуждённого или обеспечить экономическую возможность для его труда. Данное лицо по окончании срока заключения должно иметь возможность вернуться к жизни среди других сограждан (подданных)⁴.

В Дании Христиан IV создал приют для детей с обязательными работами. В 1656 г. в Генуе был создан исправительный дом для детей с обязательными работами и строгой дисциплиной. В 1778 г. в Англии были построены тюрьмы для одиночного заключения. В начале XIX в. в виде поощрения заключённые, которые признавались в будущем способными к исправлению, стали ссылаться в Австралию. В 1776 г. в Филадельфии учреждено тюремное общество Philadelphia prison society. Заключённые содержались в одиночных камерах, должны были молчать и изучать Библию. Система подобных тюрем стала образцом для других пенитенциарных учреждений. Но постепенно стало очевидным, что необходимо приобщение заключённых к труду и общению их между собой. Содержание в кельях — одиночных камерах постепенно становится мерой наказания только для особо опасных и неисправимых преступников, а также дисциплинарного воздействия. Молчание воспринималось как способ исправления осуждённого, он не должен был общаться с себе подобными и должен быть изолирован от дурного влияния. Изолированное содержание осуждённых и в настоящее время практикуется во многих тюремных учреждениях стран современного мира. Преступники начинают разделяться по категории совершённых преступлений, полу, возрасту, факту рецидива, умысла в совершении преступления или совершения его впервые и по неосторожности. Если человек не

² Тальберг Д.Г. Тюремная литература или тюремоведение. СПб., 1876. С. 35.

³ Shaw B. The crime of imprisonment / By George Bernard Shaw; Ill. by William Gropper. New York : Philosophical library, Cop.1946. P. 45.

⁴ Сергеевский Н. О праве наказания // Юридический вестник. 1881, март. С. 45–52.

был казнён по приговору суда, и он может вернуться в общество, то как минимум он не должен стать более опасен для него.

Но простое изолирование осуждённого и молчание без привлечения к труду не могут оказать значительного положительного воздействия. Леность сама по себе воспринималась как мотив противоправного поведения. В 1820 г. в г. Обурне США формируется система, основанная на изолированном содержании заключённых друг от друга, но на совместном труде и общении между собой. Данная модель наряду с пенсильванской системой стала основой для тюрем европейских государств. Система, принятая в Оборне, практикуется для длительного заключения, пенсильванская — для краткосрочного⁵.

В Англии с 1823 г. в тюрьмах общего заключения стали классифицировать заключённых по возрасту, виду преступления и последующему поведению в местах заключения. В 1833–1835 гг. вводилась система молчания. В 1834 г. по решению тюремного начальства разрешили вводить в краткосрочных тюрьмах пенсильванскую систему. В 1837 г. в Великобритании была принята система испытания probation system для лиц, приговоренных к долговременной или вечной ссылке⁶. Данная система была многоэтапной и состояла из одиночного заключения (отбывание наказания по пенсильванской системе) (первый этап), каторжных работ с разобщением осуждённых на ночь и разделением их на разряды (второй этап) и ссылки в Австралию (третий этап). Причём в Австралию ссылались только заключённые, признанные способными к исправлению. Ссылка практиковалась до 1868 г.⁷

В 1822 г. обурнская система была введена в тюрьме Лозанны в Швейцарии. В 1833 г. она была заменена особой Женевской системой Обанея. Заключённые делятся на четыре группы: 1) взрослые рецидивисты содержатся в заключении по пенсильванской системе и через год переводятся во вторую классификационную группу, но только при условии соблюдения режима; 2) осуждённые впервые, без отягчающих вину обстоятельств, содержатся по обурнской системе; 3) присужденные к не к уголовному, а к исправительному наказанию и переведенные из второго разряда за соблюдение режима содержатся в одиночном заключении, а затем — по обурнской системе, со значительно смягчённым режимом; 4) несовершеннолетние преступники до 16 лет и переведенные из предыдущего разряда за соблю-

дение режима содержатся в заключении по обурнской системе, но им разрешается разговаривать во время работ и предоставляются льготы. Женевская система в целом завоевала популярность в странах Европы до начала XX в. Но в различных государствах и в различных тюрьмах по решению тюремной администрации существовали разные подходы к классификационным группам и особенностями режима⁸.

В Германии в тюрьме Мюнхена Обермайером была модифицирована Женевская система. Заключённые разделялись на группы по своему поведению и особенностям выполняемых работ. Каждая группа заключённых содержалась отдельно, но общение внутри группы между заключёнными не запрещалось. В Великобритании после прекращения ссылки арестантов в Австралию были приняты законы 1853 и 1857 гг., по которым вводилась прогрессивная пенсильванская система. Она состояла из одиночного заключения, каторжных работ, выполняемых коллективно, и условного отпуска (условно-досрочного освобождения) по «билетам освобождения» (tickets of leave).

Данная система была ориентирована на побуждение осуждённых к исправлению с помощью мотивации в виде смягчения режима заключения и условно-досрочного освобождения. За работу заключённым выдавали марки. Установленное количество марок, собранных заключённым, сокращало для него срок заключения: для мужчин — на четверть, для женщин — на треть. Заключённые имели право на встречу с родственниками и получения части денежных средств, которые были ими заработаны. Содержание заключённых было раздельным, работы — общими. Для получения права на досрочное освобождение было необходимо отбыть не менее трёх лет заключения. День работы считался как 9 марок. Собранные 240 марок давали право получать небольшую заработную плату. За год работы было необходимо собрать 2920 марок. За особо тяжёлую или работу, требовавшую квалификации, размер вознаграждения в виде марок увеличивался. Заключённый проходил три класса, в последнем из них он оставался до того момента, когда можно было рассчитывать на досрочное освобождение. В зависимости от числа набранных марок облегчалось положение заключённого — предоставлялись право переписки, встречи с родными, прогулка и т.д. В случае нарушения режима содержания заключённый возвращался в предыдущие классы или помещался в тюрьму с одиночным заключением⁹.

⁵ R. Schmidt, Die Aufgaben der Strafrechtspflege. Berlin, 1896. P. 34.

⁶ Charles L. Probation System in the United States Courts // University Law Review Volume 10 | Issue 2 January 1925 A Chute Washington

⁷ Фойницкий И. Учение о наказании. 1889. С. 38.

⁸ Тальберг Д.Г. Тюремная литература или тюремноеведение. СПб., 1876. С. 28.

⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXIII (45). СПб., 1898. С. 341.

Накануне освобождения режим был наиболее мягким. Женщины получали право проживать в специальных приютах и работных домах. В Ирландии по системе В. Крофта марки выдавались не только за работу, но и за получение образования или приобретение профессии, хорошее поведение и т.п. Последний год осуждённые были расконвоированы и могли работать за пределами мест отбывания наказаний, периодически отмечаясь, что не нарушало установленный режим, или возвращаясь в тюрьму (intermediate prisons) на ночь. В США администрации тюрем получили возможность самостоятельно решать вопрос о досрочном освобождении с правом вернуть осуждённого обратно, если он нарушает условия освобождения¹⁰.

Во второй половине XIX в. в юридическом сообществе происходил активный обмен опытом и мнениями относительно выбора наиболее оптимальной модели исполнения наказаний и достижения цели исправления осуждённого. Прошла серия международных тюремных конгрессов. Обмен опытом начался в XVIII в. В XIX в. в странах Европы стала складываться единообразная система исполнения наказаний. В различных государствах и даже тюремных учреждениях действовали свои особенности, но модели исполнения наказаний и способов исправления осуждённого были немногочисленны. В частности, 1) получившие распространение на каторжных работах в Российской империи; 2) система одиночного заключения или пенсильванская система; 3) оборнская система, или система молчания; 4) классификационная система в её наиболее эффективной женеvской разновидности; 5) марочная система, или система Мэконоки 6) прогрессивная, или ирландская, система¹¹.

¹⁰ Charles L. Probation System in the United States Courts // University Law Review Volume 10 | Issue 2 January 1925 A Chute Washington

¹¹ Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). СПб., 1902. С. 231.

Определяющую роль в унификации системы исполнения наказаний сыграли международные тюремные конгрессы и общественные деятели, сотрудники системы юстиции. Особо необходимо отметить Д. Говарда, И. Бен-тама и др. Первые конгрессы проводились по частной инициативе. Первый тюремный конгресс состоялся во Франкфурте-на-Майне в 1846 г., в дальнейшем — в Брюсселе (1847) и Франкфурте-на-Майне (1857). Данные конгрессы обладали сугубо научным значением. Представители различных государств обменивались накопленным опытом. Был создан специальный Тюремный комитет действия.

Начиная с 1872 г. конгрессы проводятся по инициативе правительств стран Европы и обладают официальным характером, было проведено 12 конгрессов с 1872 по 1950 г. До 1872 г. была создана Межправительственная комиссия. В 1872 г. сформирована Комиссия представителей государств. В 1878 г. создана Международная пенитенциарная комиссия, в дальнейшем преобразованная в Международную уголовную и пенитенциарную комиссию. Конгрессы состоялись в Лондоне (1872), Стокгольме (1878), Риме (1885), Санкт-Петербурге (1890), Париже (1895), Брюсселе (1900), Будапеште (1905), Вашингтоне (1910), Лондоне (1925), Праге (1930), Берлине (1936) и Гааге (1950). По итогам проведения конгрессов были приняты международные соглашения. В частности, было определено положительное значение труда осуждённого для его исправления, пагубность одиночного содержания для несовершеннолетних преступников и полезность подобного заключения для осуждённых за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также рецидивистов. Было определено, что досрочное освобождение от отбывания наказания способствует исправлению. Общественные организации должны привлекаться к наблюдению за условиями содержания под стражей и в последующем к процессу возвращения осуждённых к обычной жизни.

Литература

1. Сергеевский Н. О праве наказания / Н. Сергеевский // Юридический вестник. 1881, март. С. 415–457.
2. Тальберг Д.Г. Тюремная литература или тюремоведение / Д.Г. Тальберг. СПб., 1876. 88 с.
3. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть) / Н.С. Таганцев. СПб., 1902. 823 с.
4. Познышев С. К вопросу о праве наказания // Журнал уголовного и гражданского права. 1897. № 4. С. 69–141.
5. Charles L. Probation System in the United States Courts / L. Charles // University Law Review Volume 10 | Issue 2 January 1925 A Chute Washington. P. 119-123.
6. Фойницкий И. Учение о наказании / И. Фойницкий. 1889. 514 с.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXIII (45). СПб., 1898. 474 с.
8. Schmidt R. Die Aufgaben der Strafrechtspflege / R. Schmidt. Berlin, 1896.
9. Shaw B. The crime of imprisonment / By George Bernard Shaw; Ill. by William Gropper / B. Shaw. New York : Philosophical library, Cop.1946. 125 p.

Право убежища в Новое время

*Пастухов Роман Олегович,
аспирант 2 курса Института права
Башкирского государственного университета
r-pastukhov@mail.ru*

Институт права убежища играет значительную роль в развитии международного права и межгосударственных отношений, а именно в области прав и свобод человека. Вопрос права убежища был актуален на протяжении всех этапов исторического развития государства и международных отношений. В каждом периоде своего развития право убежища характеризовалось различными признаками, которые зависели во многом от политической обстановки как в отдельном государстве, так и во всем мире.

В XVII в. во Франции на смену феодальному строю пришел буржуазный, который оставил весомый след в развитии международного права. В данной статье раскрывается сущность права убежища в Новое время. Именно в данном периоде своего развития право убежища находит свое официальное закрепление в международных правовых актах, таких, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о статусе беженцев 1951 г. Именно в Новое время и по сегодняшний день право убежища рассматривается именно с позиции прав и свобод человека, что помогает нам раскрыть сущность данного правового института.

Ключевые слова: право убежища, права человека, политический характер, Всеобщая декларация прав человека, государство.

Right to Asylum in Modern Times

*Pastukhov Roman O.,
2nd year Postgraduate Student of the Law Institute
of the Bashkir State University*

Institute for asylum played a significant role in the development of international law and of international relations, namely in the field of human rights and freedoms. The question of asylum was relevant for all stages of the historical development of the state and international relations. In each period of its development, the right of asylum was characterized by a variety of symptoms, which depend largely on the political situation in individual states and around the world. In the 17th century in France to replace the feudal system comes Bourgeois, who left a significant mark in the development of international law. This article reveals the essence of the right of asylum in modern times. It was during this period of its development, the right of asylum finds formalized in international instruments such as the Universal Declaration of Human Rights of 1948, the Convention relating to the Status of Refugees of 1951. It is in modern times that continues to this day, the right of asylum is seen from a position of human rights and freedoms, that helps us to discover the essence of this legal institution.

Key words: right of asylum, human rights, political in nature, the Universal Declaration of Human Rights, State.

В XVII веке происходит буржуазная революция. Век феодализма изжил себя, началось становление эпохи капитализма. Буржуазная революция во Франции установила основные направления внешней политики, а именно в области международных отношений. Появляются основы буржуазного международного права, которые провозгласили множество правовых институтов, одним из которых является право на убежище.

Развитие данного института исходит из внутреннего законодательства страны. Декларация Национального собрания 1791 г. гласи-

ла, что убежище, которое она открывает иностранцам, не будет закрыто для жителей тех стран, государи которых вынудили ее вступить с ними в войну. Помимо декларации 1791 г. право на убежище предусматривала и Конституция Франции, а именно статья 120: «Французский народ предоставляет убежище иностранным гражданам, изгнанным из своего отечества за дело свободы, но он отказывает в этом праве сторонникам тирании». Следует отметить тот факт, что законодательство Франции не различало мотивов, из-за которых лицо подвергалось преследованию.

Анализируя нормативные акты Франции в эпоху революции, мы можем выделить ряд их достоинств, касающихся права убежища. Так, эти законодательные акты прямо подчеркивают политический характер права убежища и признают единственным основанием для предоставления убежища именно политический мотив. Следующая особенность актов буржуазной революции определила то положение, что ни один из законодательных актов феодального периода, который гласит о праве убежища, не был наделен официальным правовым статусом, в отличие от законодательных актов Франции того периода.

Впервые в истории развития человеческой цивилизации право убежища являлось конституционным принципом. Данный правовой институт развивался и в других странах, таких, как Англия, Бельгия, Швеция. Лишь в XIX веке право убежища стало общепризнанным институтом международного права. Это подтверждается рядом определенных причин.

Во-первых, оно вызвано характером института права убежища. Право убежища является составной частью системы норм права, направленных на противостояние с изжившим себя феодализмом, целью которой является сохранение и развитие буржуазного строя. Именно противостояние буржуазии и феодализма за власть было следствием борьбы за официальное закрепление права убежища в законодательстве государства. Стоит отметить, что право убежища провозглашалось не только в тех государствах, где буржуазия одержала победу. Данный правовой институт существовал и поддерживался во многих государствах с феодальным строем. Это объясняется тем, что феодальная власть была слишком слаба перед буржуазией и не могла не подчиниться ее правилам, даже в определенных ситуациях феодализм уже не был способен защититься от буржуазии, так как буржуазия оказывала сильное давление на феодализм.

Во-вторых, это объясняется прогрессирующим ростом революционных сил и, в итоге, победой буржуазии над феодализмом в Европе. Именно после становления буржуазии ярко отражается классовый характер права убежища. Дело в том, что феодальным государствам было выгодно предоставлять убежище сторонником своего класса, которые преследовались буржуазией по политическим причинам. Опасаясь буржуазной революции, многие правители стран Европы поддерживали беглецов. Так, Екатерина II, понимая большую угрозу буржуазной революции для России (так как в Российской империи был феодализм), оказывала поддержку бежавшей тогда аристократии. Именно борьба против феодализма была тесно связана

с национальным освобождением, и правовой институт убежища играет здесь значительную роль. Буржуазия не рассматривала право убежища как абсолютное неограниченное право.

Убежище предоставлялось при соблюдении определенных условий и оговорок и носило политический характер. Буржуазия остерегалась сторонников защиты интересов народа, так как видела угрозу своего существования от революционных течений, и впоследствии противники буржуазного строя подвергались различным ограничениям при реализации ими права на убежище.

В данный период происходит прогресс роста движения рабочих, и на смену буржуазным эмигрантам приходит рабочий класс. Представители рабочего класса были главными врагами капитализма, подвергались жёстким репрессиям со стороны власти и преследовались по политическим мотивам. Впоследствии они занимают подпольную деятельность и нуждаются в праве на убежище. Численность рабочего класса постепенно возрастает, он набирает свою силу для борьбы с капитализмом. В результате буржуазные страны всячески пытаются ограничить право убежища для рабочего класса, так как им это было выгодно по политическим соображениям.

В 1928 году была принята Конвенция об убежище, в которой допускалось предоставление убежища тем лицам, которые допустили политические правонарушения, но убежище в данном случае предоставлялось, как пишет Игнатенко Г.В., с определенными условиями, в данном случае — временно и на определенной территории, а именно в дипломатических и консульских учреждениях и на военных судах¹.

Следующий этап развития права убежища связан с деятельностью Организации Объединенных Наций. Во Всеобщую декларацию прав и свобод человека 1948 г. было включено положение о праве убежища. Данное положение нашло свое отражение в статье 14 декларации:

1. Каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.

2. Это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении не политического преступления или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций².

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что практически все лица

¹ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.

² Всеобщая Декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс»»

имеют право на убежище. Исключение составляли лишь те лица, которые совершали преступления, сущность которых противоречила основным принципам и целям ООН.

В истории развития международного института права убежища следует отметить 1950 г., когда были сделаны первые шаги по унификации норм права, касающихся предоставления права убежища и была принята резолюция под названием «Убежище в международном праве». Данная резолюция состояла из 10 статей и четырех глав. В первой статье было дано определение права убежища. Стоит отметить, что в ней отсутствовал перечень лиц, которым могут предоставить убежище. Во второй статье говорится о том, что государство не отвечает за то, что предоставляет убежище, оно несёт ответственность лишь за деятельность лиц, получивших убежище. Особое внимание стоит обратить на третью главу, в которой рассматривалось предоставление убежища за пределами государства и указывалось, что убежище может предоставляться в консульствах, дипломатических зданиях, на военных объектах, на морских судах и в других местах, которые находятся под юрисдикцией органа государственной власти иностранного государства.

В 1951 году в Женеве на конференции ООН была принята конвенция «О статусе беженцев», которая вступила в силу 22 апреля 1954 г. Конвенция закрепила понятие «беженец» и правила предоставления статуса беженца, пресекает любую дискриминацию беженцев, которые получают такие же права и свободы, как и граждане государства убежища, а также устанавливала положение о высылке беженцев в интересах национальной безопасности государства, которое предоставило убежище. В то же время конвенция устанавливает категорический запрет на высылку беженцев обратно на территорию их государства, где они преследуются.

В течение долгого времени в Комиссии по правам человека рассматривался вопрос о праве убежища. В 1960 г. она разработала проект декларации о праве убежища. Данный проект отличался небольшой структурой, так как состоял лишь из преамбулы и пяти статей. В 1960 г. Экономический и Социальный Совет ООН отправил его на рассмотрение в третий комитет Генеральной Ассамблеи. Впоследствии были одобрены преамбула и первая статья проекта декларации. В статье 1 Декларации о праве убежища провозглашалось, что государства предоставляют убежище всем лицам, которые претендуют на него, на основании статьи 14 Всеобщей декларации прав человека. Но так как Всеобщая декларация прав человека запрещает предоставлять убежище определённым

категориям лиц, которые совершают преступления, противоречащие целям и принципам ООН, то декларация о праве убежища также устанавливает данное ограничение. Стоит отметить, что убежище предоставляется и тем лицам, которые борются с колониализмом, тем самым подчеркивается важность этого положения. Из-за большой рабочей нагрузки Третий комитет не смог закончить работу над проектом декларации, и впоследствии данный проект был направлен Шестому комитету Генеральной Ассамблеи ООН.

В данной декларации следует отметить третью статью о запрете установления ограничений лицам, получившим убежище, о недопустимости запрета пересекать ими государственные границы и о запрете об их выдаче странам, где им угрожает опасность. Исключение составлял пункт 2 данной статьи, согласно которой допускались ограничения прав лиц, пользующихся убежищем, и их высылка, запрет на пересечение границ в целях общественной и национальной безопасности. Данное положение было подвергнуто критике со стороны многих стран, так как противоречило целям и принципам данной декларации, а именно то положение, что государство может воспользоваться данным положением в своих интересах, а не в интересах прав и свобод человека. Декларация о праве убежища была полностью принята Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в 1967 г. и получила название «территориальное убежище»³.

Данная декларация установила право искать убежище от преследований в другом государстве. Необходимо отметить тот факт, что декларация разрешала предоставлять убежище лишь тем лицам, которые совершили политические преступления, также в ней запрещалось предоставлять убежище тем лицам, которые совершили преступления, противоречащие целям и принципам Организации Объединённых Наций⁴. В данном случае убежище имеет исключительно политический аспект, но данная декларация носит лишь рекомендательный характер.

На сегодняшний день продолжается выработка вопросов, проектов, норм, которые относятся к институту права убежища.

³ Декларация о территориальном убежище» (Принята 14.12.1967 Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН). Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 338–339.

⁴ Лукашук М.П. Международное право общая часть, учебник. 3-е изд. М.: 2005. С. 389.

Литература

1. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право : учебник для вузов / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. 752 с.
2. Всеобщая Декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. // СПС «Консультант-Плюс».
3. Декларация о территориальном убежище (принята 14 декабря 1967 г. Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеей ООН) // Действующее международное право. Т. 1. М. : Московский независимый институт международного права, 1996. С. 338 — 339.
4. Лукашук М.П. Международное право. Общая часть : учебник / М.П. Лукашук. 3-е изд. М. : 2005. 432 с.

Динамика постановки на государственный учет недвижимых памятников археологии города Севастополя с 1975 по 1991 г. в контексте совершенствования советского законодательства в области охраны памятников истории и культуры

*Скуридин Олег Александрович,
научный сотрудник Государственного
историко-археологического музея-заповедника
«Херсонес Таврический»
oleg772015@mail.ru*

Рассматривается динамика постановки на государственный учет памятников археологии города Севастополя в послевоенный советский период (1975–1991 гг.) в зависимости от совершенствования законодательства в области охраны памятников истории и культуры.

Сделан вывод, что постановка на государственный учет памятников археологии города Севастополя в рассматриваемый промежуток времени имела положительную динамику. При этом самая большая динамика отмечена для типа «Памятники трудовой деятельности».

Ключевые слова: динамика, государственный учет, памятник археологии, законодательство, памятник истории и культуры, тип памятника, памятники трудовой деятельности.

Dynamics of State Registration of Immobile Archaeological Sites of Sevastopol from 1975 to 1991 in Context of Improvement of Soviet Legislation in Historical and Cultural Monument Protection

*Skuridin Oleg A.,
Research Scientist of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»*

The dynamics of raising on the state account of monuments of archaeology of city of Sevastopol is examined in a post-war soviet period (1975–1991) depending on perfection of legislation in area of guard of monuments of history and culture.

Drawn conclusion, that raising on the state account of monuments of archaeology of city of Sevastopol in an examined period of time had a positive dynamics. Thus the greatest dynamics is marked for a type "Monuments of labour activity".

Key words: dynamics, state account, monument of archaeology, legislation, monument of history and culture, type, monuments of labour activity.

Актуальность заявленной темы обусловлена новой геополитической ситуацией. Вхождение Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию активизировало работу по постановке на государственный учет объектов археологического наследия в новых субъектах. Перед специалистами в области охраны культурного наследия поставлена сложная и ответственная задача: в сжатые сроки подвести итоги деятельности предыдущих поколений исследователей и практиков, оценив их достижения и ошибки, продвигаться вперед в российском законодательном поле.

Условия для такой работы созданы Федеральным законом от 12.02.2015 № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов Республика Крым и города федерального значения Севастополя», согласно ст. 2 которого объекты культурного наследия расположенные на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, включенные в перечни (списки, реестры) объектов культурного наследия на день принятия новых субъектов в состав Российской Федерации (в том числе выявленные объекты культурного наследия), поэтапно относятся к категориям федерального, регионального, местного (муниципального) значения. При этом из ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» следует, что объект археологического наследия может быть отнесен не только к категории федерального значения, он может быть также выявленным объектом культурного наследия.

Из указанного следует важность поставленной нами задачи исследования, так как объекты археологического наследия составляют неотъемлемую часть наивысшей категории историко-культурного значения.

Вместе с тем заявленная тема не получила достойного освещения в отечественной и зарубежной литературе.

Следует учесть, что работа по постановке на государственный учет памятников археологии велась в условиях поэтапного совершенствования законодательства. Поэтому будет целесообразно рассматривать процесс постановки на госучет объектов археологического наследия в контексте новаций в области советского законодательства.

Вышеизложенным обусловлено, что основным массивом источников нашего исследования служат законодательные акты советского

периода в области охраны памятников истории и культуры, а также нормативно-правовые акты центральных и местных органов власти.

Ряд законодательных актов в области охраны памятников истории и культуры открывает постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры». Согласно разделу «в» п. 1 Положения об охране памятников культуры, утвержденного этим постановлением, «памятники археологии: древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надгробные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находимые древние предметы»¹.

Из этого перечисления видно, что понятие «памятник археологии» понималось очень широко, разделения на недвижимый памятник и движимый (артефакт) не существовало, что затрудняло их типологию и последующую постановку на государственный учет.

Постановление Совета Министров РСФСР от 28.05.1949 № 373 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР» существенно усовершенствовало работу по государственному учету памятников археологии. Согласно параграфу 3 Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР комитетам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР и его местным органам предписывалось ведение списков археологических и исторических памятников, подлежащих государственному учету и охране². Далее в параграфе 7 инструкции на эти органы возлагалось составление паспортов на памятники³.

В рамках исполнения указанного постановления проводилась работа по паспортизации памятников археологии города Севастополя. Паспорта на памятники археологии хранятся в архиве Херсонесского заповедника, всего в 1949 г. были созданы и утверждены свыше

¹ Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // СЗ СССР. М., 1948. № 3898.

² Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР // СП РСФСР, 1949. № 3. Ст. 30.

³ Там же.

Таблица 1

Проект списков памятников истории и культуры города Севастополя (на 01.07.1975)

Типы	Балаклавский район	Ленинский район	Нахимовский район	Всего по типам
Городища и города	8	63	-	71
Остатки древних поселений	41	4	14	59
Могильники, надмогильные ритуальные сооружения	24	2	9	35
Памятники трудовой деятельности	—	57	—	57
Всего	73	126	23	222

60 паспортов, в 1955 г. — более 150 не утвержденных паспортов^{4,5}.

Авторами этой первой учетной документации являлись научный сотрудник Государственного историко-археологического музея С.Ф. Стржелецкий и научный сотрудник Крымской базы АН СССР Е.В. Веймарн. Результатом проведенной работы стало утверждение нормативно-правовых актов о взятии на государственный учет списков памятников истории и культуры, в которых значатся объекты археологии.

Так, постановлением Совета Министров УССР от 21.07.1965 № 711 «Об утверждении списков памятников искусства, истории и археологии Украинской ССР» под № 142 памятник археологии «Остатки древнего города Херсонеса-Таврического V в. до н.э. XV в н.э.» (г. Севастополь, на берегу Карантинной бухты) взят на государственный учет как памятник республиканского значения, который находится под охраной государства⁶.

Первые списки памятников истории и культуры города Севастополя утверждены решением исполкома Севастопольского Совета депутатов трудящихся от 20.12.1975 № 856 «Об утверждении списков памятников истории и культуры города Севастополя по состоянию на 1 июля 1975 года»⁷. В обосновывающей

части этого нормативно-правового акта идет ссылка на проект списков памятников истории и культуры города Севастополя, составленный Управлением культуры по состоянию на 1 июля 1975 г.

В списке памятники археологии даны по районам города Севастополя, в алфавитном порядке наименования района, согласно типам (приложение 1 к решению исполкома), а обобщенные результаты можно свести в таблицу.

В приложении 4 к решению исполкома указаны предложения по включению памятников города Севастополя в списки памятников союзного и республиканского значения:

— в списки памятников союзного значения Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник;

— в списки памятников республиканского значения «Херсонес Страбоновский, его некрополь и клеры», «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник»⁸.

Следует отметить, что параллельно с постановкой на государственный учет в 1975–1976 гг. идет работа по написанию и утверждению учетной документации на памятники археологии. Авторами этой документации стали научные сотрудники Херсонесского историко-культурного музея И.А. Антонова, О.Я. Савеля, С.Г. Рыжов и др. В архиве Севастопольского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры хранятся свыше 170 паспортов и учетных карточек на памятники археологии.

Следующим подобным нормативно-правовым актом стало решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 28.03.1978 № 6/199 «Об измене-

⁴ Паспорта на памятники Херсонесского городища, составленные в 1949–1955 гг. // Архив ГИАМЗ «ХТ». Ф. 1, д. 1391.

⁵ Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея в 1949–1955 гг. // Архив ГИАМЗ «ХТ». Ф. 1, д. 1392/ I XI.

⁶ Постановление Совета Министров УССР от 21.07.1965 № 711 «Об утверждении списков памятников искусства, истории и археологии Украинской ССР» // URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP650711.html

⁷ Решение исполкома Севастопольского Совета депутатов трудящихся от 20.12.1975 № 856 «Об утверждении списков памятников истории и культуры

города Севастополя по состоянию на 1 июля 1975 года» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 2436, л. 93–133.

⁸ Там же.

нии и дополнении списка памятников истории и культуры города Севастополя»⁹. Этим документом принималось решение включить в списки памятников истории и культуры и взять на государственный учет памятники истории и культуры по состоянию на 1 января 1978 г. (приложение 1 к решению).

Взято на государственный учет 17 памятников археологии без указания разделения на районы. Из них по типам: к остаткам древних поселений можно отнести 4 памятника, к памятникам, характеризующих трудовую деятельность человека, — 13¹⁰.

Указанным нормативно-правовым актом 4 памятника археологии отнесены также к памятникам архитектуры: Средневековая крепость Каламита (г. Белокаменск); Инкерманский средневековый пещерный монастырь (Скала Монастырская); город Херсонес Таврический. Комплексный памятник; средневековая крепость Чембало (Балаклавский район)¹¹.

Отметим, что отнесение к разной общей видовой принадлежности одного памятника — характерная особенность для постановки на государственный учет памятников истории и культуры Севастополя.

В 1975 г. был создан Гагаринский район города Севастополя. Границы между Балаклавским, Гагаринским, Ленинским, Нахимовским районами и городом Белокаменском (с 1991 г. — Инкерман) утверждались решением исполкома Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся от 08.02.1977 № 3/93 «О границах районов города Севастополя»¹².

Итог проделанной работы подведен изданием «Списка памятников истории и культуры г. Севастополя (по состоянию на 1 января 1978 г.)» Музея героической обороны и освобождения Севастополя¹³. В этом издании учтено решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 28.03.1978 № 6/199, а на странице 3 приведено количество памятников города Севастопо-

ля по состоянию на 1 января 1978 г. (информация сведена в табл. 2).

Этапом в организации работы по постановке на государственный учет памятников истории и культуры стало принятие основополагающих законодательных актов.

В Конституции СССР, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. (ст. 68), забота о сохранении исторических памятников объявлялась долгом и обязанностью граждан СССР¹⁴.

В 1976 г. был принят союзный Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в ст. 5 которого памятник археологии определен как один из пяти видов памятников истории и культуры, к которому относились городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов¹⁵.

В Законе СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» проводится разделение на недвижимые памятники и памятники, находящиеся в библиотеках, музеем и архивном фондах. Согласно ст. 10 этого закона «в целях организации учета и охраны памятников истории и культуры недвижимые памятники подразделяются на памятники общесоюзного, республиканского и местного значения. Отнесение памятников истории и культуры к категории памятников общесоюзного, республиканского или местного значения производится в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик»¹⁶.

Согласно Закону УССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1978 г.) обеспечение выявления и учета памятников находилось в компетенции исполкомов местных Советов народных депутатов (ст. 8), списки памятников местного значения утверждались решениями областных Советов народных депутатов, а списки памятников республиканского значения Советом Министров УССР¹⁷.

Дело постановки на учет памятников истории и культуры, в том числе археологии, бы-

⁹ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 28.03.1978 № 6/199 «Об изменении и дополнении списка памятников истории и культуры города Севастополя» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 2872, л. 64–74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Решение исполкома Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся от 08.02.1977 № 3/93 «О границах районов города Севастополя» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 2683, л. 197–201, 204–206.

¹³ Список памятников истории и культуры г. Севастополя (по состоянию на 01.01.1978) // Архив СРО ВООПиК, Ф. 1, д. 1.

¹⁴ Конституция СССР от 07.10.1977 // ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁵ Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29.10.1976 // ВВС СССР, 1976. № 44. Ст. 628.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Закон УРСР «Про охорону та використання пам'яток історії та культури» // Відомості Верховної Ради УРСР, 1978. № 30. Ст. 426.

Таблица 2

Список памятников истории и культуры г. Севастополя (на 01.01.1978)

Типы	Балаклавский район	Гагаринский район	Ленинский район	Нахимовский район	Всего по типам
Городища и города	8	63*	-	-	71
Остатки древних поселений	43	4	-	16	63
Могильники, надмогильные ритуальные сооружения	24	2	-	9	35
Памятники трудовой деятельности	-	69**	1	-	70
Всего	75	138	1	25	239

Примечания:

* из них 61 — литерные памятники объекта «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник»;

** из них 52 — литерные памятники объекта «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник».

ло упорядочено после принятия Советом Министров СССР постановления от 16.09.1982 № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры».

В пункте 13 раздела II «Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» дается определение государственного учета памятников истории и культуры: «Государственный учет памятников истории и культуры включает выявление и обследование памятников, определение их исторической, научной, художественной или иной культурной ценности, фиксацию и изучение, составление учетных документов, ведение государственных списков недвижимых памятников»¹⁸.

Согласно решению исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 19.10.1982 № 18/869 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя»¹⁹ утвержден перечень памятников, подлежащих снятию с государственного учета в установленном порядке, из них памятники археологии, по районам:

— Балаклавский район — 8, из них по типам: остатки древних поселений — 3; могиль-

ники — 4; памятники трудовой деятельности — 1;

— Гагаринский район — 3, из них по типам: остатки древних поселений — 2; города и городища — 1;

— Нахимовский район — 4, из них по типам: остатки древних поселений — 2; могильники — 2²⁰.

В каждом случае указаны основания для снятия с государственного учета: три памятника находились за пределами города Севастополя, остальные предварительно частично или полностью изучены, к этому времени уже застроены или распаханы, обладают плохой сохранностью²¹.

Отметим, что согласно статье 17 республиканского закона в области охраны памятников истории и культуры принятие окончательного решения о снятии с государственного учета памятников местного значения относилось к компетенции Совета Министров УССР²². Сведения о принятии подобных решений для города Севастополя отсутствуют.

Согласно решению исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 17.04.1984 № 7/249 «О взятии на государственный учет памятников археологии и дополнении списка памятников истории и культуры г. Севастополя»²³ на государствен-

¹⁸ Постановление Совета Министров СССР от 16.09.1982 № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» // URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP820865.html

¹⁹ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 19.10.1982 № 18/869 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 3446, л. 172–182.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Закон УРСР «Про охорону та використання пам'яток історії та культури» // Відомості Верховної Ради УРСР, 1978. № 30. Ст. 426.

²³ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 17.04.1984 № 7/249

ный учет взято 11 памятников археологии, из них: на территории Балаклавского района располагался 1 объект (тип: памятники, характеризующие трудовую деятельность человека), Гагаринского района — 9 (по типам: города и городища — 2; памятники, характеризующие трудовую деятельность человека — 7), Ленинского — 1 (тип могильные, надмогильные и ритуальные сооружения).

Среди этих памятников археологии Гагаринского района два памятника археологии вошли в комплексный памятник «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник»: Баня V–X вв., Четырехапсидный храм.

Согласно решению исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 10.12.1984 № 20/819 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя»²⁴ на государственный учет взят памятник археологии «Крестовокупольный храм (№ 29)» (тип: города и городища), расположенный в Гагаринском районе города Севастополя на территории Херсонесского акрополя. Таким образом, памятник археологии «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник» стал насчитывать 63 литерных памятника, что составило их максимальное число для советского периода.

Этим же нормативно-правовым актом утверждён перечень памятников, подлежащих снятию с государственного учета в установленном порядке, из них 15 памятников археологии, по районам:

— Балаклавский район — 6, из них по типам: остатки древних поселений — 1, могильные, надмогильные и ритуальные сооружения — 5;

— Гагаринский район — 7, из них по типам: города и городища — 1, остатки древних поселений — 2, могильные, надмогильные и ритуальные сооружения — 1, памятники, характеризующие трудовую деятельность человека — 3;

— Нахимовский район — 2, тип: остатки древних поселений.²⁵

В каждом случае указаны основания для снятия с государственного учета: памятник исследован полностью или частично, застроен, находится за пределами территории Севастополя.

²⁴ «О взятии на государственный учет памятников археологии и дополнении списка памятников истории и культуры г. Севастополя» // Архив СРО ВООПиК, Ф. 1, д. 7/249.

²⁴ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 10.12.1984 № 20/819 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 3717, л. 101–106.

²⁵ Там же.

При этом для городища «Херсонес Страбонский, его некрополь и земельные наделы» оговаривалось, что снятию с государственного учета подлежат только некрополь и земельные наделы²⁶.

Количество памятников археологии, расположенных на территории города Севастополя по состоянию на 01.01.1984, сведены в табл. 3.

Решением исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 17.12.1985 № 23/949 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя»²⁷ на государственный учет поставлено 2 памятника археологии, один в Балаклавском районе (тип: могильные, надмогильные и ритуальные сооружения), другой — в Нахимовском (тип: города и городища).

Этим же нормативно-правовым актом утверждён перечень памятников, подлежащих снятию с государственного учета в установленном порядке по Гагаринскому району, из них 3 памятника археологии (включая один комплексный). В каждом случае указаны основания для снятия с государственного учета: два памятника археологии разрушено под влиянием природных факторов, памятник «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник (включает 52 надела)». О последнем сказано следующее: «По плану генерального строительства г. Севастополя в течение 1973–1985 гг. земельные наделы и сельскохозяйственные усадьбы были исследованы и застроены... В связи с этим на учете остаются частично сохранившиеся 9 памятников: 5 наделов (№ 25, 26, 46, 49, 91) и 4 усадьбы (наделов № 25, 26, 46, 91)». В обоснование снятия государственного учета приводятся ссылки на архив Херсонесского историко-археологического заповедника²⁸.

Как и в предыдущем случае, из-за отсутствия окончательного решения органов исполнительной власти о снятии с государственного учета, указанное обстоятельство не повлияло на общее количество памятников археологии.

Количество памятников археологии, расположенных на территории города Севастополя по состоянию на 01.01.1986, сведены в таблицу 4.

Согласно п. 21 Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, ис-

²⁶ Там же.

²⁷ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 17.12.1985 № 23/949 «Об изменениях и дополнениях в списке памятников истории и культуры города Севастополя» // Архив СРО ВООПиК, Ф. 1, д. 23/949.

²⁸ Там же.

Таблица 3

Количество памятников археологии, расположенных на территории г. Севастополя (по состоянию на 01.01.1984)

Типы	Балаклавский район	Гагаринский район	Ленинский район	Нахимовский район	Всего по типам
Городища и города	8	65*	-	-	73
Остатки древних поселений	43	4	-	16	63
Могильники, надмогильные ритуальные сооружения	24	2	1	9	36
Памятники трудовой деятельности	1	76**	1	-	78
Всего	76	147	2	25	250

Примечания:

* из них 63 — литературные памятники объекта «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник»;

** из них 52 — литературные памятники объекта «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник».

Таблица 4

Количество памятников археологии, расположенных на территории г. Севастополя (по состоянию на 01.01.1986)

Типы	Балаклавский район	Гагаринский район	Ленинский район	Нахимовский район	Всего по типам
Городища и города	8	65*	-	1	74
Остатки древних поселений	43	4	-	16	63
Могильники, надмогильные ритуальные сооружения	25	2	1	9	37
Памятники трудовой деятельности	1	76**	1	-	78
Всего	77	147	2	26	252

Примечания:

* из них 63 — литературные памятники объекта «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник»;

** из них 52 — литературные памятники объекта «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник».

пользования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, утвержденной приказом Минкультуры СССР от 13.05.1986 № 203, «государственные списки недвижимых памятников истории и культуры являются основным документом государственного учета и охраны памятников. Включенные в них объекты признаются памятниками истории и культуры определенного вида и категории охраны»²⁹.

Решением исполкома Севастопольского городского Совета народных депута-

тов от 29.01.1991 № 3/185 «О дополнении в списке памятников истории и культуры г. Севастополя»³⁰ на государственный учет взято 55 памятников археологии, из них 51 объект в Гагаринском районе, 4 — в Балаклавском.

Среди них 54 памятника археологии относятся к памятникам трудовой деятельности, 1 — могильники, надмогильные ритуальные сооружения (монастырь)³¹.

²⁹ Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, утв. приказом Минкультуры СССР от 13.05.1986 № 203 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9013052>

³⁰ Решение исполкома Севастопольского городского Совета народных депутатов от 29.01.1991 № 3/185 «О дополнении в списке памятников истории и культуры г. Севастополя» // ГАГС, Ф. № Р-79, оп. 2, д. 4518, л. 158–165.

³¹ Там же.

Таблица 5

Количество памятников археологии города Севастополя (по состоянию на 01.01.1992)

Типы	Балаклавский район	Гагаринский район	Ленинский район	Нахимовский район	Всего по типам	В %
Городища и города	8	65*	—	1	74	23,9
Остатки древних поселений	43	4	—	16	63	20,4
Могильники, надмогильные ритуальные сооружения	27***	2	1	9	39	12,6
Памятники трудовой деятельности	5	127**	1	—	133	43,1
Всего	83	198	2	26	309	100
В %	26,9	64,1	0,6	8,4	100	

Примечания:

* из них 63 — литературные памятники объекта «Город Херсонес Таврический. Комплексный памятник»;

** из них 52 — литературные памятники объекта «Клеры Херсонеса Таврического с усадьбами. Комплексный памятник»;

*** из них пещерные монастыри «Шулдан» и «Чилтер», взятые на учет решением Крымского областного исполнительного комитета.

Таблица 6

Памятники археологии

Типы памятников археологии / количество памятников археологии по состоянию	По состоянию на 01.01.1976	По состоянию на 01.01.1979	По состоянию на 01.01.1984	По состоянию на 01.01.1986	По состоянию на 01.01.1992
Городища и города	70	71	73	74	74
Остатки древних поселений	59	63	63	63	63
Могильники, надмогильные, ритуальные сооружения	35	35	36	37	39
Памятники трудовой деятельности	57	70	78	78	133
Всего	221	239	250	252	309

Это был последний советский нормативно-правовой акт о принятии на госучет памятников археологии города Севастополя.

Здесь следует остановиться на следующем факте. Согласно постановлению Верховного Совета Украины от 11.10.1991 № 1651 Терновский сельский совет был передан в подчинение Балаклавскому районному совету города Севастополя³². В связи с этим в пределах адми-

нистративной территории горда Севастополя оказалось два памятника археологии пещерные монастыри «Шулдан» и «Чилтер», расположенные близ села Терновка. Эти памятники археологии взяты на государственный учет решением Крымского областного исполнительного комитета от 05.09.1969 № 595.³³ В 1974 г. на эти памятники археологии составлены паспорта³⁴.

³² Постановление Верховного Совета Украины от 11.10.1991 № 1651 // Відомості Верховної Ради України. 1992. № 51. Ст. 722.

³³ Решение Крымского областного исполнительного комитета от 05.09.1969 № 595 // Архив СРО ВО-ОПик, Ф. 1, д. 595.

³⁴ Там же.

Постановлением Совета Министров УССР от 06.09.1979 № 442 «О дополнении списков памятников градостроительства и архитектуры Украинской ССР, которые находятся под охраной государства» эти памятники отнесены к виду «памятник градостроительства и архитектуры»³⁵.

Количество памятников археологии города Севастополя по состоянию на 01.01.1992 в абсолютных и относительных единицах по типам и по районам города сведено в таблицу.

Выводы. Подведем итог. Процесс постановки на госучет объектов археологического наследия города Севастополя рассмотрен нами в контексте развития отраслевого законодательства. Законодательство в сфере охраны памятников истории и культуры в послевоенное время прошло большой путь, ключевыми документами которого явились союзный и республиканский закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», ряд подзаконных актов.

Постановке на государственный учет памятников археологии предшествовал процесс составления учетной документации. Паспорта и учетные карточки составлялись исследователями-археологами Херсонесского историко-археологического музея (с 1978 г. —

заповедника). Списки памятников археологии утверждались постановлениями Совета Министров УССР, решениями исполкома Севастопольского городского Совета.

Приведем обобщающие цифры, характеризующие указанный процесс в динамике (см. табл. 6).

С учетом изложенного отметим, что постановка на государственный учет памятников археологии города Севастополя в рассматриваемый период имела положительную динамику. При этом самая большая динамика отмечена для типа «памятники трудовой деятельности».

Последнее обстоятельство объясняется выявлением и постановкой на государственный учет усадеб на клерах (наделах) хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове в ходе развития Гагаринского района города Севастополя, появившегося в 1975 г. Дальнейшее хозяйственное освоение административной территории Севастополя имело последствием выявление и постановку на государственный учет памятников археологии других типов: могильников, городищ, древних поселений.

Список сокращений:

ГАГС — Государственный архив города Севастополя;

ГИАМЗ «ХТ» — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;

СРО ВООПиК — Севастопольское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

³⁵ Постановление Совета Министров УССР от 06.09.1979 № 442 «О дополнении списка памятников градостроительства и архитектуры Украинской ССР, которые находятся под охраною государства» // URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP790442.html

Компенсационные выплаты присяжным заседателям в Российской империи

*Демичев Алексей Андреевич,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
доктор юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
aadem@bk.ru*

В статье на основе изучения архивных документов и нормативных правовых актов анализируется проблема оплаты труда присяжных заседателей в Российской империи. Делается вывод, что только с 1914 г. малообеспеченные присяжные заседатели получили право на компенсацию расходов, связанных с исполнением их обязанностей в суде.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, компенсация, оплата труда.

Compensation Payments to Jurymen in the Russian Empire

*Demichev Aleksey A.,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*

In the article, based on the study of archival documents and normative legal acts, the problem of pay for jurors in the Russian Empire is analyzed. It is concluded that only in 1914 low-income jurors were entitled to compensation for their expenses related to the performance of their duties in court.

Key words: jury trial, jurors, compensation, labor payment.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что любой труд должен быть оплачиваемым. Это в полной мере касается и деятельности представителей общества по участию в осуществлении правосудия. В Российской Федерации основной формой такого участия является исполнение обязанностей присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» присяжные заседатели в качестве «компенсационного вознаграждения» за счет федерального бюджета получают «в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжно-

го заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период». Также действующее законодательство предусматривает компенсацию командировочных и транспортных расходов. Однако такая ситуация с оплатой труда присяжных заседателей имела место в нашей стране не всегда.

Впервые в России суд присяжных появился в ходе судебной реформы 1864 г. В научной литературе справедливо отмечается, что современники рассматривали суд присяжных в Российской империи «не только как правовой институт, но и как применение демократического начала, как одну из форм участия населения в отправлении правосудия, как реализацию одной из черт правового государ-

ства (народное представительство) в судебной сфере»¹. Более того, суд присяжных во второй половине XIX — начале XX в. являлся в России одной из двух основных моделей суда с народным представительством². Тем не менее, Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. не предусматривали вознаграждения, каких-либо выплат или компенсаций присяжным заседателям за исполнение их обязанностей.

При этом законодатель прекрасно осознавал, что исполнение обязанностей присяжного заседателя является весьма обременительной повинностью. Обратите внимание на то, что под «обременительностью» следует понимать как отрыв от основного вида деятельности (службы дворян в государственных и общественных учреждениях, занятия купцов торговлей, ведения сельскохозяйственных работ крестьянами и т.д.), так и прямые материальные затраты, связанные с участием в судопроизводстве в качестве присяжного заседателя (проезд в город, где проходило заседание окружного суда, проживание и питание).

Именно по этой причине ст. 104 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. предусматривала, что «никто не может быть призываем для исполнения обязанностей присяжного заседателя более одного раза в год. Сверх того лица, исполнившие обязанности присяжного заседателя в одном году, имеют право отказаться от сей обязанности в следующем за тем году». Правда, следующая, 105-я статья того же документа допускала исключение из этого правила в тех ситуациях, когда в уезде или городе не хватало лиц, способных быть присяжными заседателями.

Практика показала, что особенно для представителей крестьянского сословия исполнение обязанностей присяжных заседателей оказывалось чрезвычайно обременительным делом. Так, во многих местностях Российской империи не единичными были случаи, в которых присяжные заседатели из крестьян не могли содержать себя материально во время периода судебных заседаний. Поэтому, чтобы элементарно прокормить себя в городе, они были вынуждены наниматься на мелкие работы (например, пилку дров). Более того, имели место вопиющие факты о том, что крестьяне-присяжные просили милостыню. Обратите внимание, это было отмечено не только иссле-

дователями отечественного суда присяжных³ и обычного крестьянского права⁴, но и в официальном Отчете по Государственному совету⁵.

Нередко родственники подсудимых давали таким присяжным кров и пищу, создавая у них по отношению к себе определенные обязательства. Состав преступления в этих действиях не было, поэтому, если такие обстоятельства становились известны суду, председательствующий судья либо распускал коллегию присяжных заседателей, либо отстранял от исполнения обязанностей по конкретному делу отдельных заседателей.

Особенно тяжело было крестьянам летом, так как отлучка именно в это время из дома оказывалась для них наиболее разорительной. В Центральном архиве Нижегородской области нами был обнаружен оригинал документа, выдержки из которого в дальнейшем попали и в официальные документы, и в различные работы. Речь идет о Докладе № 47 Ардатовской уездной земской управы «О неудобстве назначения сессии окружного суда в летнее рабочее время»⁶. Приведем цитату из этого доклада: «Вознаграждение за исполнение обязанностей присяжных не положено по закону, между тем проживание в городе, в особенности во время сессий, иногда довольно продолжительных, требует значительного расхода. Такие расходы ощутительны не только для крестьян, но и для лиц более или менее состоятельных. Для крестьян же, в числе которых очень часто бывают люди крайне бедные, расходы эти крайне разорительны и потому многие из таких присяжных, не имея средств, очень часто вынуждены глотать сухую корку хлеба, взятую из дому или данную кем-либо в городе из сожаления»⁷.

На основе этого доклада Ардатовское земское собрание 6 февраля 1880 г. ходатайствовало перед председателем Нижегородского окружного суда не назначать сессии суда с участием присяжных заседателей на время посева ярового и озимого хлебов (с 1 мая по 15 июня и с 1 августа по 1 сентября)⁸. Однако председателем Нижегородского окружного суда оно было отклонено с мотивировкой, что такое же положение имеет место во многих других уездах и

¹ Илюхин А.В. Гражданское общество и суд присяжных в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 22.

² См. подр.: Демичев А.А., Агафонов С.Ю. Модели судов с народным представительством в российской истории в IX — начале XX в. // История государства и права. 2013. № 13. С. 34–40.

³ См.: Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1881. С. 152.

⁴ См.: Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву: обычному и брачному. СПб., 1879. С. 208.

⁵ См.: Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб.: Сенатская типография, 1888. С. 696.

⁶ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1854. Оп. 1. Д. 208. Л. 14–19.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 15 (об.).

губерниях. При этом делается акцент на то, что помогать крестьянам — обязанность земств, но в данном случае это запрещено⁹.

Как мы уже отмечали, действительно, Судебные уставы не предусматривали каких-либо выплат присяжным заседателям за исполнение их обязанностей. Видя затруднительное материальное положение крестьян-присяжных, «некоторые земства выдавали нуждающимся присяжным из крестьян небольшие пособия на время их пребывания в городе»¹⁰. Однако по не совсем понятным причинам 5 сентября 1873 г. Сенат издал определение «О непризнании права за земскими собраниями назначать пособия присяжным заседателям»¹¹, где указывалось, что земские учреждения не имеют права расходовать подобным образом свои средства, так как это не входит в их обязанности и не предусмотрено Положением о земских учреждениях 1864 г.

Хотя ходатайство Ардатовского земского уездного собрания было отклонено председателем Нижегородского окружного суда, его поддержал нижегородский губернатор граф П.И. Кутайсов. И, в итоге, 31 января 1880 г. был выпущен циркуляр Министерства юстиции № 3149 «Об устранении затруднений при исполнении крестьянами обязанностей присяжных заседателей в рабочую пору»¹², в котором отмечалось, что в Министерстве юстиции имеется несколько ходатайств земских собраний на этот счет.

В циркуляре указывалось, что крестьян нельзя освобождать от несения повинности заседателя, «ибо чрез это суд присяжных лишился бы своего всесословного характера... так как, при отсутствии в составе его представителей наиболее многочисленного сословия, суд присяжных нельзя было бы признать судом общественной совести»¹³. В названном циркуляре правительство требовало от уездных предводителей дворянства, чтобы «при составлении комиссиями очередных и запасных списков присяжных заседателей на периоды времени, по местным условиям совпадающими с важнейшими сельскохозяйственными работами, на-

значалось возможно меньшее количество присяжных заседателей от крестьян и при том из числа лиц наиболее состоятельных»¹⁴. Таким образом, положение многих крестьян-присяжных было облегчено, но каких-либо выплат им по-прежнему не было предусмотрено.

В 1890-е гг., несмотря на запрет, введенный в 1873 г., некоторые земства вновь стали оказывать «присяжным из менее зажиточного класса населения пособия в виде бесплатного проезда на земских почтовых лошадях или денежных выдач», причем это приводило к тому, что уклонения заседателей от исполнения своих обязанностей в тех местностях встречалось «сравнительно редко»¹⁵. К сожалению, так происходило не везде. В Министерство юстиции стали поступать многочисленные заявления присяжных заседателей «о тягостности несения повинностей».

В конце концов, правительству стало очевидной необходимостью решения данной проблемы на законодательном уровне. В объяснительной записке министра юстиции И.Г. Щегловитова к проекту закона «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» содержится информация о разработке этого закона¹⁶. Так, в 1910 г. стала проводиться подготовительная работа. Когда она уже близилась к завершению, 18 ноября 1911 г. 62 депутата III Государственной Думы внесли предложение по тому же вопросу. На следующий день по постановлению Думы это предложение было передано в Комиссию по судебным реформам. 23 мая 1912 г. Дума одобрила законопроект Комиссии и передала его в Министерство юстиции. Сам же Закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» был принят 26 ноября 1913 г.¹⁷

Названным нормативным правовым актом Учреждение судебных установлений дополнялось статьей 109¹. Теперь каждый присяжный заседатель, проживающий постоянно вне места заседания суда, мог, предъявив требование, получить из казны:

1) суточные деньги за каждый день отлучки из места жительства. Размер «суточных» уста-

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ См.: Афанасьев А.К. Состав суда присяжных в России // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 203.

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1873. № 92. Ст. 1159.

¹² См.: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1854. Оп. 1. Д. 208. Л. 31. Циркуляр аналогичного содержания Министерства внутренних дел московскому губернатору вышел 26 марта 1880 г. за № 28 (см.: Центральный исторический архив Москвы. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1132. Л. 13, 14).

¹³ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1132. Л. 13 (об.).

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ См.: Городынский Я.К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 2. С. 15, 16.

¹⁶ Выдержки из этой записки опубликованы в кн.: Учреждение судебных установлений / сост. Н. Шрейбер. 2-е изд., неофиц., доп. СПб., 1914. С. 197–200.

¹⁷ Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» от 26 ноября 1913 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. № 40563.

навливался в зависимости от величины города, где проходило заседание суда: для мелких городов — 50 копеек, для средних — 75 копеек, для крупных центров — 1 рубль¹⁸;

2) путевые деньги, если он проживал на расстоянии более 25 верст от города, где проходило судебное заседание. Размер путевых денег составлял 3 копейки за версту. Оплачивался проезд и «туда», и «обратно».

Министр юстиции И.Г. Щегловитов верно обращал внимание на то, что деньги, выдаваемые присяжным заседателям по закону 1913 г., не являются оплатой труда, а представляют собой пособие, помощь от государства тем лицам, «для коих исполнение этой повинности есть непосильная, а иногда и разорительная жертва»¹⁹.

¹⁸ Учреждение судебных установлений / сост. Н. Шрейбер. 2-е изд., неофиц., доп. СПб., 1914. С. 200.

¹⁹ Там же. С. 199.

Очевидно, что Закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» от 26 ноября 1913 г. был направлен в первую очередь на поддержку крестьян. Ведь именно крестьяне находились в наиболее стесненном материальном положении и именно они, составляя большинство жителей уезда, вынуждены были покидать свое место жительства и отправляться в уездный или губернский город на заседания суда.

Закон от 26 ноября 1913 г. был введен в действие с 1 января 1914 г. На эти цели из средств Государственного казначейства в 1914 г. было выделено 525 тыс. рублей. Начиная с 1915 г. размер необходимого кредита определялся в сметном порядке. Названный закон значительно облегчил материальное положение многих присяжных, и, несмотря на обременительность для казны, он продолжал действовать даже в годы Первой мировой войны.

Литература

1. Афанасьев А.К. Состав суда присяжных в России / А.К. Афанасьев // Вопросы истории. 1978. № 6.
2. Городынский Я.К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. / Я.К. Городынский // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 2. С. 8–44.
3. Демичев А.А., Агафонов С.Ю. Модели судов с народным представительством в российской истории в IX — начале XX в. / А.А. Демичев, С.Ю. Агафонов // История государства и права. 2013. № 13. С. 34–40.
4. Илюхин А.В. Гражданское общество и суд присяжных в России: история и современность / А.В. Илюхин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 22–25.
5. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву: обычному и брачному / И.Г. Оршанский. СПб., 1879. 459 с.
6. Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб. : Сенатская типография, 1888. 878 с.
7. Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки / Н.П. Тимофеев. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1881. 48 с.
8. Учреждение судебных установлений / сост. Н. Шрейбер. 2-е изд., неофиц., доп. СПб., 1914. 755 с.

Непреступное деяние в уголовном праве России X — XII вв.

*Гарбатович Денис Александрович,
заместитель директора филиала по научной работе
Уральского филиала Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
garbatovich@mail.ru*

В статье рассматриваются случаи непреступных убийств, причинения вреда здоровью, предусмотренные в уголовном праве России X — XII вв. Видами указанных непреступных деяний были: 1) необходимая оборона; 2) классовое убийство; 3) убийство из кровной мести; 4) убийство жены за измену; 5) убийство или причинение вреда здоровью за нанесенную обиду.

Ключевые слова: непреступное деяние, убийство, причинение вреда здоровью.

Non-Criminal Act in Russian Criminal Law in X — XII Centuries

*Garbatovich Denis A.,
Deputy Branch Director for Research
of the Ural branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article deals with non-criminal homicide, infliction of harm to health envisaged in the criminal law of Russia X — XII centuries. these Types of non-criminal acts were: 1) self-defense; 2) class murder; 3) murder of a vendetta; 4) the murder of his wife for treason; 5) the murder or causing bodily harm during the offense.

Key words: criminal act, murder, causing bodily harm.

Традиционно принято считать, что уголовное законодательство, наука уголовного права развиваются вокруг двух краеугольных терминов «преступление» и «наказание», исследуют вопросы о сущности преступного деяния, его общественной опасности и соответствующих ему виде и размере уголовного наказания.

Тем не менее, первые источники законодательства Древней Руси, а именно содержащиеся в них уголовно-правовые нормы, предусматривали так называемые и непреступные деяния, которые также обладали определенной социальной значимостью в зависимости от соответствующего исторического периода.

Непреступное деяние, как и преступное, предусмотрено исключительно в уголовно-правовой норме, когда законодательство не дифференцировалось на отрасли, либо в самом уголовном законе, когда он является единственным источником уголовного права.

Непреступное деяние, причиняющее вред, может быть социально полезным, например, причинение смерти, вреда здоровью при защи-

те жизни, собственности, жилища в состоянии необходимой обороны, либо классово одобряемым, общественно нейтральным, например, причинение определенного вреда здоровью холопу со стороны представителя господствующего класса.

Непреступное деяние предусматривается либо как право, например, необходимая оборона, либо как обязанность, например, кровная месть. Главное последствие совершенного непреступного деяния, предусмотренного уголовно-правовой нормой, заключается в том, что оно ненаказуемо, является основанием освобождения от уголовной ответственности, обстоятельством, исключающим его преступность.

Рассмотрим виды непреступных деяний в уголовном праве России X — XII вв. Законодательство указанного периода еще не подразделялось на отрасли. Нормативные акты включали в себя одновременно уголовно-правовые и гражданско-правовые нормы, нормы уголовного и гражданского процесса. В нормах уголовного права законодателем устанавливается то,

что является преступным, наказуемым, вид и размер наказания, которые ожидают виновного. В этих актах описываются случаи, оговариваются условия, когда причинение смерти или причинение вреда здоровью уголовно ненаказуемо.

1. Необходимая оборона. В договоре князя Олега с греками допускалось убийство вора, если он сопротивлялся. Считается это первое упоминание в русском праве о необходимой обороне¹: «Когда русин украдет что-либо у христианина или христианин у русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратное; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки»².

Русская Правда также предусматривала возможность убийства вора при защите имущества в состоянии необходимой обороны: «Если убьют вора на своем дворе или у клетки, или у хлева, то за это не отвечает как за убийство» (ст. 30 Русской Правды Краткой редакции (перевод Б.Б. Кафенгауза))³; «если вора убьют у клетки или во время какого воровства, за это его не судить как за убийство пса» (ст. 40 Русской Правды Пространной редакции (перевод В.Н. Сторожева))⁴.

2. Классовое убийство. Холоп не считался объектом уголовно-правовой защиты: он мог быть убит, и убийца не нес за это ответственность, но убийство его без вины считалось деянием, влекущим штраф (виру) хозяину, а князю — виру 12 гривен, как за причинение вреда имуществу⁵. «За убийство холопа и рабы виры не уплачивается. Но если кто убьет безвинно, должен платить господину за холопа или рабу урочную цену, а князю — 12 гривен штрафа (продажи)» (ст. 89 Русской Правды Пространной редакции (перевод В.Н. Сторожева))⁶.

3. Убийство из кровной мести. В древнерусском уголовном праве наказание именовалась словами «казнь» «месть», которые существовали в период до Русской Правды. Мсть была обязательна, мстить обязаны были родственники убитого, она имела частный или общественный характер, так как осуществлялась и от имени родственников потерпевшего, и от имени общины. «Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца, или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры; если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого» (ст. 1 Русской Правды Краткой редакции (перевод Б.Б. Кафенгауза); ст. 1 Русской Правды Пространной редакции (перевод В.Н. Сторожева))⁷.

Обязательно было последующее оправдание мести судом или после суда, признававшего мсть необходимым. Мсть существовала до конца XI в., по Правде Ярослава мстить обязаны были «сестрину сынови», по Пространной Правде — «обратни сынови» (ст. 81).

Пространная редакция Русской правды позволяла вмешиваться в решение данного вопроса князю, что фактически означало отмену кровной мести. Псковская Судная грамота предусматривала обязательное участие князя в рассмотрении дел об отцеубийстве и братоубийстве⁸.

4. Убийство жены за измену. Статья 9 Устава князя Владимира Святославича признавала преступлением внебрачную любовную связь. Муж имел право убить жену и любовника, если застигал их в момент измены: «Если найден будет кто лежащий с женою замужней, то должно предать смерти обоим» (ст. 22 главы XXII устава). Как видим на законодательство сильно оказывали влияние церковные установления⁹, которые в данном случае обязывали мужа убить жену и ее любовника.

5. Причинение вреда здоровью за обиду. Несмотря на тот факт, что вменяемость как признак субъекта не упоминается в Русской Правде, деяние признавалось преступным только тогда, когда виновный «заповедал», то есть осознавал, заведомо знал неправоту своих действий. Преступное деяние должно было быть осознанным. Соответственно, исключалась уголовная ответственность за причинение вреда здоровью в состоянии аффекта: «Если кто ударит батогом ... а оскорбленный, не стерпевши того, ткнет мечем, то вины ему в этом нет». Указанное деяние обоснованно не признавалось актом необходимой обороны,

¹ Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X — XX веков. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. С. 6.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 т. Книга первая. Ростов н/Д, 1989. С. 155, 156; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России : история, документы. В 6 т. / науч. конс. проекта Е.А. Скрипилев. Т. I. Начало формирования судебной власти / отв. ред. Н.М. Золотухина. М. : Мысль, 2003. С. 81.

³ Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. С. 7.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X — XX веков. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. С. 7.

⁶ Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. С. 21.

⁷ Там же. С. 4, 9.

⁸ Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Указ. соч. С. 14.

⁹ Там же. С. 11.

так как защита осуществляется для отражения нападения, а совершенное деяние в состоянии аффекта представляет собой месть за обиду¹⁰.

В Русской Правде Краткой или Пространной редакции не используются термины, характеризующие именно состояние аффекта, резкого внезапного душевного волнения. Чувство обиды не равно состоянию аффекта. Считаем, что более точным является утверждение, что уголовная ответственность исключалась не за деяние, совершенное в состоянии аффекта, а за причинение вреда здоровью как месть за нанесенную обиду: «Если же обиженный, не стерпев, в отместку сам ударит мечом, то того в вину ему не ставить» (ст. 26 Русской Правды Пространной редакции (перевод В.Н. Сторожева))¹¹.

Более убедительными аргументами в пользу того, что вина исключалась за причинение вреда здоровью как месть за обиду, являются следующие положения:

1) «Или холоп ударит свобода мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи

той мужь, да бьюты его» (ст. 17 текста Русской Правды Краткой редакции)¹²;

2) «А вот если холоп ударит свободного человека и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен. А если после того получивший от холопа удар встретит где-нибудь холопа, который ударил его, то Ярослав определил бы убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти его, определили на выбор: либо раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун» (ст. 65 Русской Правды Пространной редакции (перевод В.Н. Сторожева))¹³.

Как видим, законодатель не просто предусматривал возможность безусловного причинения смерти или вреда здоровью, каждая указанная возможность имела конкретные оговорки, условия, основания, допускающие, разрешающие это. Непреступное деяние как разновидность уголовно-правового деяния было необходимым, так как позволяло более точно определять границы преступного и наказуемого действия.

¹⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Дону, 1995. С. 342.

¹¹ Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. С. 11.

¹² Отечественное законодательство XI — XX веков : пособие для семинаров. Ч. I (XI — XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. М. : Юристъ, 2000. С. 21.

¹³ Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. С. 18.

Литература

1. Бытко Ю.И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков / Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. 786 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Дону : Феникс, 1995. 639 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 т. Книга первая. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1989. 528 с.
4. Кутафин О.Е. Судебная власть в России : история, документы. В 6 т. / науч. конс. проекта Е.А. Скрипилев / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. Т. I. Начало формирования судебной власти / отв. ред. Н.М. Золотухина. М. : Мысль, 2003. 701 с.
5. Отечественное законодательство XI — XX веков : пособие для семинаров. Ч. I (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. М. : Юристъ, 2000. 464 с.
6. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. 480 с.